

Сергей Черемнов

На картошку

Рассказы

Счастье – жить!

***«Я сегодня ничего не совершил», -
говорим мы. Как? А разве ты не жил?
Просто жить - не только самое
замечательное, но и самое главное из
твоих дел... Лучшее наше творение –
жить согласно разуму...***

Мишель Монтень. Опыты

Эту науку «просто жить» - постичь всего труднее. Вероятно, она под силу лишь людям мудрым или чистым сердцем, поскольку знание глубин жизни открывается им либо путём размышлений, либо интуитивно. Подобно тому, как происходит смена времён года в природе.

Книга рассказов Сергея Черемнова как раз и преподаёт нам эти уроки простого счастья жить, нисколько не притязая при этом на поучения, прямые или косвенные. Его сюжеты похожи на зарисовки, сцены из обычной жизни, которая незаметно втягивает читателя в орбиту происходящего. Мы становимся участниками разных событий - то ностальгических, то пасторальных, то обострённо-болевых, а то и юмористических.

Особый пласт повествования в этом сборнике отдан детству. Душа ребёнка попадает под мягкий, пристальный взгляд взрослого человека, способного с такой же чистой наивностью воспринимать радужный мир детства. В рассказе «Стёклышки» крохотная девчушка разглядывает пляж сквозь розовое стекло разбитой бутылки, и этот «мир в розовом цвете» приводит её в восторг. Правда, разделить восторг некому: взрослая спутница девочки начисто лишена воображения и тонкости. Она уводит девчушку с пляжа. Та случайно роняет одно из своих трогательных стёклышек, которое поднимает рассказчик и с удовольствием смотрит сквозь него, предлагая взглянуть и своей девушке. Происходит следующий диалог:

- Тань, а всё вокруг, точно, розовое, - смеюсь я. – Не веришь - на, посмотри!

- Да ну тебя! - отмахивается Танька. - В детство ударился. - Мир сер, мой друг, - наставительным тоном произносит она...

Воистину, имеющий уши да слышит! Каковы мы сами, таков и мир вокруг нас. В рассказе «Шуба» перипетии «леопардовых» переживаний маленького Валерки столь же значительны, как и драматическая ситуация в рассказе «Двое» - терзания Игорюши, вынужденного жить в разлуке с матерью. Эти бытовые картинки детства убеждают читателя, как существенно и важно всё вокруг маленького человечка, поскольку всё в его жизни происходит впервые. И неплохо бы нам, взрослым, хотя бы иногда воспринимать жизнь, как в первый раз. Право же, станем намного счастливее!

Но эта мораль автором не декларируется. В рассказах Сергея Черемнова нет акцентов и жирного шрифта. В них нет даже того, что Нина Берберова обозначила как «курсив мой». Сюжеты очень разные, но все они напоминают этюды художника, написанные пастелью. На них можно смотреть, можно в них всматриваться, а можно и задуматься над ними – в своём выборе мы свободны, автор не ведёт нас за руку. Автор с нами говорит. Вспоминает. Удивляется. Улыбается. Он нам доверяет – без рассуждений, без философских обобщений и эффектных парадоксов. Даже трагический рассказ «Ребята, я живой!» покоряет не столько темой человеческой сплочённости на краю гибели, сколько естественной задушевностью авторской интонации.

И, тем не менее, в каждом рассказе нас ждёт открытие. Вместе с героями мы по-новому начинаем смотреть на привычные вещи. Переживаем любовь к матери, так наивно воплощённую в срезанных тюльпанах, отправленных ей ко дню рождения сыном из армии - в посылке («Тюльпаны»). Чувствуем вкус молока и суровый нрав простой труженицы Масленичихи («Горячее молоко»). Глазами подростка Веньки смотрим на мучения влюблённого щеголеватого парня и вдруг, испытывая настоящее потрясение, заново осознаём таинственную магию любви («Девчонки»).

Пространство прозы, представленной в этом сборнике, обширно и поэтично – от одинокой души старого дворника Матвея («Наступление») – до звёздной вселенной августовской ночи («Звездопад»). И даже в пределах одного только рассказа «Караси» мы совершаем путешествие от аквариума в болгарском городе Варна до рыбалки на Ангаре.

Вам еще предстоит освоить все эти пространства, дорогой читатель. И я убеждена, что вы захотите проследить взглядом за полётом уток вместе с пожилым человеком из «Встречи», чтобы навсегда запомнить эту картину. Я уверена, что вы, как и молодой парень Олег, наотрез откажетесь сесть в машину с неким «лохматым», зверски убивающим маленьких котят, в рассказе «На картошку». И ещё я знаю, что каждый из вас вынесет из этой прозы свои неповторимые впечатления, свои эмоциональные открытия...

Так уж вышло, что пишу я эти строки августовской ночью, в пору звездопада. В ту самую пору, когда «звезды падают непрерывно, одна за другой, по две, по три, по несколько сразу, словно незримая рука накренила громадный ковш, выливая изумруд звездного потока, удивительная красота которого заморозила, завладела каждым деревом, каждой травинкой, каждой каплей воды... А звезды падают, падают, падают. И каждая звезда – это желание, а в каждом желании – так хочется счастья...».

Что ж, будем учиться искусству жизни и верить, что наши самые смелые желания непременно сбудутся!

Галина Ганеева,
руководитель литературной части Новокузнецкого драматического
театра

Шуба

1.

Валерку водят в детский сад каждое утро. Обычно это делает отец. Он протягивает сонному Валерке большой палец, и они идут пешком едва ли не через весь город. Валерка громко сопит и семенит рядом с сапогами отца.

Город и Валерка очень похожи: городу четыре года, и Валерке четыре года. У города голубые удивленные окна первых многоэтажных домов и такие же голубые удивленные глаза у Валерки. Оба растут день ото дня. Только вот Валерка толстый, почти круглый, а три городские улицы ровные и прямые. И Валерка считает себя уже почти взрослым, а о городе говорят, что он ещё очень молод.

Обычно Валерку с самого утра начинают мучить вопросы. И откуда всё-таки берутся дети, если мама сказала, что нашла его в палатке у геологов, а Серёжка из «тридцать четвёртой» говорит, что детей находят в капусте? И почему подъемные краны оранжевые, а самосвалы зелёные? Почему кирпич тяжелый – даже не поднимешь, а стекловату можно брать охапкой? Почему у самолетов летчиков не видно?..

Но сегодня он молча держался за родительский перст, старательно и важно обходил сугробы и кучи строительного хлама возле домов и даже не удивлялся мощным «КамАЗам», которые с грохотом проносились по заснеженному асфальту. Зато сегодня он хорошо видел, как с самого утра город жил спешно и суетливо, как обгоняет их и движется им навстречу темный поток людей, и затаив дыхание ждал, когда же город заметит, что он, Валерка, в новой шубе! Ему прямо-таки хотелось крикнуть: «Эй, вы, на кране! И вы на самосвале! Эй, все люди, смотрите!» Но все куда-то спешили, и Валерке было обидно за всех этих слепых людей, которые совсем не замечают, что делается у них под носом. Валерка шёл, вздыхал, совсем как баба Гутя, мамина мама: «О-хо-хо, мужики...»

Шубу мама вчера принесла из мазазина и сказала:

- Хоть и искусственная вещь, а тебе носить – не сносить.

Валерка, пыхтя, надел её, а потом потребовал поставить себя на стул перед зеркалом. мех на шубе был тёмно-жёлтым с чёрными пятнами.

- Мам, - тут же последовал вопрос, - а почему я весь-весь в пятнах?
- Потому, что расцветка у неё «под леопарда».
- Я – леопард, значит?
- Леопард, да ещё какой!
- А леопард – это кто?
- Это такая огромная кошка, очень сильная.

В том, что он большой, Валерка и не сомневался. А в том, что сильный, не был уверен.

- Мам, а я сильный?
- Конечно, сильный.
- Сильнее Серёжки?
- Сильнее, сильнее. Слезай со стула и раздевайся.

Такой поворот дела Валерку насторожил:

- Я же леопард!?

Но мама его успокоила:

- Ты в ней завтра в детсад пойдёшь. А сейчас пора спать.

Лёжа в кровати, Валерка только о шубе и думал. А во сне к нему приходил большой пятнистый леопард с человеческой головой...

2.

Отец остановился поговорить с каким-то дядей Шурой. Он такой же высокий и работает, понял Валерка, вместе с отцом на стройке. И сапоги у него такие же огромные, как у отца. Валерка долго рассматривал его сапоги, сравнивая их с отцовыми, потом принялся толкаться вокруг мужчин, стараясь обратить на себя внимание, и , наконец, не выдержал:

- Дядя Шура, а ты мужик?

Это прозвучало так громко и неожиданно, что дядя Шура вздрогнул, запнулся на очередной фразе и удивленно глянул на Валерку:

- Ну, наверное. А что это ты вдруг?
- Просто, - опустив голову, забубнил Валерка, - баба Гутя говорит, что мужики и есть мужики...
- А я мужик, - с любопытством посмотрел он на дядю Шуру.

- Ты – пока нет, - принялся объяснять тот. – Вот когда вырастешь большим...

- Я уже большой! – сердито оборвал его Валерка и потянул отца, - пойдём, ну, пойдём.

И они опять торопливо шли по улице, и Валерка сопел громче обычного, обиженно крутил головой и тихо бормотал: «Вот какой, даже шубу не видит...»

Здание детского сада издалика было похоже на большой куб, сложенный из больших бетонных плит. В детсад Валерка и любит ходить, и не любит. Здесь весело и много игрушек – это Валерке нравится, Но здесь его дразнят толстым, особенно Танька. У неё острый веснушчатый нос и хитрые зелёные глаза. Однажды Валерка побил её, она долго ревела, а он стоял в углу и думал о несправедливостях жизни.

Поэтому Валерке иногда не хочется идти в детский сад. Иногда, но только не сегодня...

Сегодня раздеваться он наотрез отказался. Ещё чего? А новая шуба, а леопард! Долго уговаривала его Тамара Ивановна, валеркин характер оказался гораздо твёрже, чем терпение воспитательницы. И, гордо подняв голову, Валерка вошёл в игровой зал. Он вошёл и ему показалось, что не он, а большой сильный зверь встал посреди широкой светлой комнаты. Он взглядом победителя оглядывал потолок, стены и удивлённые лица сверстников. Его окружили, загалдели, зашумели, а он смотрел на них так снисходительно, как только умел. Его хотели потрогать, повертеть, и он великодушно разрешал гладить себя по спине и по бокам.

- А тебе нельзя, - оттолкнул он танькину руку, - уходи!

Ах так, Танька отбежала в дальний угол и оттуда закричала:

- Толстый, толстый, толстячок, - но на неё никто даже внимания не обратил.

- Леопард большой и сильный, - объяснял Валерка детям. – Я – леопард – так мама сказала...

Он заглядывал в лица ребят, пытаясь найти в них сомнение, но его авторитет сегодня был непререкаем.

Потом все играли в леопарда, по очереди надевая шубу. Леопарда обязательно убивали и тащили в «дом». Когда это надоело, шубу приспособили под крышу дома, с трудом натянув её на спинки сдвинутых вместе стульев. После ужина из шубы пытались сделать флаг, но это не удалось, потому что день закончился и пришли родители, не подумав о том, что пришли они совсем некстати.

3.

Валерка нетерпеливо тянул отца за палец. И они снова шли через весь город. Но шли, как показалось Валерке, очень медленно, план, который созрел у него в голове, требовал немедленной реализации.

- Мам, я пойду на улицу, - крикнул он ещё с порога и щёки надул на всякий случай.

- Иди, - донеслось из кухни, - только недолго.

И радостным коlobком Валерка выкатился на лестницу. Осторожно шагая по ступенькам вверх, он подошёл к двери с номером 34. До звоночной кнопки Валерка ещё не дорос, но, не раздумывая, пнул по двери валенком три раза. Раздался щелчок, появилась небольшая щель, откуда на уровне валеркиного плеча выглянула пара тёмных глаз: «Кто там?»

- Я – леопард, - рыкнул Валерка, и дверь моментально захлопнулась. Такой реакции он не ожидал, и с минуту на лестничной площадке было тихо. Потом в двери снова появилась щель и те же глаза со страхом и интересом осмотрели лестницу. Только вместо ужасного чудовища глаза увидели Валерку и удивлённо захлопали ресницами.

- Открой, Серёжка, - потребовал Валерка нетерпеливо. – Леопард – это я.

Дверь открылась совсем, на пороге стоял Серёжка, худющий, черноволосый, и со страхом смотрел на товарища:

- Ты меня, Валерка, зачем пугаешь? Знаешь, как я боюсь.

- Я не пугаю, - досадливо ответил Валерка, - Смотри лучше, у меня шуба. На, потрогай...

Серёжка боязливо положил ладошку товарищу на грудь:

- Ух ты, гладкая!

- Смотри, пятнистая. Я – леопард.
- А леопард – это кто?
- Это огромная кошка. Он большой и сильный, он рычит – это мама так сказала. Р-р-р-р,.. - зарычал Валерка. – Пойдём на улицу в леопарда играть.

Двор, в котором они живут, с со всех сторон обставлен многоэтажными домами. Посреди него стоит высокая ледяная гора. Её заливали ещё к Новому году. И на ней всегда куча пацанов. Они и сегодня галдели разноликой толпой, весело и шумно съезжая на картонках по серебрящемуся в лучах двух прожекторов льду.

Валерке и Серёжке кататься с горки строго-настрога запрещено, гора высокая, и мало ли что может случиться. Правда, они частенько переступали через этот запрет, когда во дворе бывало уже совсем темно, и из окна трудно было разобрать, кто там внизу катается.

Но сейчас ещё только сгущались сумерки, и друзья пошли от греха подальше. А вскоре они уже громко обсуждали: убил Серёжка-охотник Валерку-леопарда или только ранил.

- Отойди, горох! – крик оборвал их жаркий спор, и они, увлечённые игрой, заметили, что стоят на самом краю горы, а мимо них стремительно проносится ребятня.

- Только разик, - ответил Валерка на немой вопрос в серёжкиных глазах...

Картонки у них не было, но всё равно здорово ехать по скользкому исчерченному льду, который так и манит прокатиться по крутой спине горы ещё раз и ещё: на спине, на животе, просо сидя. И не чувствуешь никакой усталости от бесконечного скольжения вниз, подъёма вверх и нового скольжения. И если бы не мамин голос из форточки: «Валерий, домой!», можно было бы кататься до самого утра.

- Я пошёл... - крикнул Валерка Серёжке, махнул ему рукой и побежал домой, торопливо отдуваясь и перепрыгивая через две ступеньки.

4.

Изнутри Валерка уже умеет закрывать за собой квартирную дверь на замок, но сегодня он дольше обычного возился с замком – упрямая защелка никак не становилась на своё место. Он уже начал злиться на неё, как вдруг услышал испуганный мамин голос

- Валера, что случилось?!

Валерка повернул к ней удивлённое лицо, широко раскрытыми глазами она разглядывала его с головы до ног.

- Ты где был?

Валерка молчал, пытаясь уловить связь между её вопросом и испуганным взглядом, потому ответил как можно честнее:

- На улице, - и, пытаясь разобраться, в чём дело, тоже принялся осматривать себя, И чем больше смотрел он на свои руки и грудь, тем всё шире распахивались его голубые глаза... Странное дело! Мех на шубе куда-то исчез, И только островки жёлтых ворсинок торчали на рукавах и груди, будто из последних сил цепляясь за чёрный подклад.

Вот так да... - растерянно произнёс Валерка. На большее слов не хватило.

- Катался, - сказала мама, но он её не услышал. Спросил растерянно:

- Мам, а леопарда больше не будет?

- Ты у меня посмейся! – взорвалась мама. – Сейчас же становись в угол! – И Валерка оказался в углу у вешалки.

Начался длинный-предлинный воспитательный монолог, который Валерка слушал молча, насупившись, недоверчиво глядя на лежащие у его ног мокрые от снега остатки шубы. Потом перебил маму, глядя на неё с надеждой:

- А леопарда больше не будет, да? - и квартира, казалось вздрогнула от громкого плача.

... Маме уже надоело ругать Валерку, а он все всхлипывал из своего угла.

- Ладно, - махнула она рукой, - снова будешь ходить в старом.

Валерка понял, что его простили, но слёза маленькими каплями все бежали из распухших глаз, а губы тихо шептали:

- Н-не бу-дет, да-а, мам?..

А ночью Валерке снова приснился большой леопард с человеческой головой. Только шкура его была сильно потерта во многих местах, а глаза печально жмурились. «Ты где был?» - маминым голосом спрашивал он у Валерки и устало махал облезлой лапой.

«Ребята, я живой»

Несколько часов на шахте продолжалась борьба за жизнь горняка, попавшего в подземный плен.

- Стоит ли рассказывать об этом? Многие и так боятся в шахту идти. А тут...

- Поэтому и стоит. Настоящий горняк товарища в беде не бросит. Любой из нас должен это помнить.

(Из разговора)

1.

В первые минуты после завала Елисеев не понял, что произошло. В шахте работал давно, хоть и молод, бывал в разных переделках. Но в такой ещё не приходилось

Сзади была монолитная стена, Справа и слева – тоже. А впереди – завал, ещё «живой», камешки сыплются. Оторопело подумал: «Как в мышеловке». Посветил лампой – прохода не было. И он по-настоящему испугался...

Много пластов отрабатывает прокопьевская шахта «Центральная». Название того пласта, на котором работал участок № 16, – «Сложный». Характер у содержащегося в нём угля, что у капризной девицы, шутят горняки. А добывать здесь уголёк можно, только четко соблюдая всю технологическую цепочку, да сметку шахтёрскую, которая тоже требует беречься под землёй. Оба эти правила, как известно, написаны кровью. Иначе система добычи угля «подэтажными штреками с обрушением отработанного пространства» может в любую минуту преподнести неприятный сюрприз.

Сухие строчки приказа зафиксировали события с документальной точностью: «Во вторую смену при производстве очистных работ в ПШО пласта «Сложного» в пятой синклинали (синклиналь др.-греч. — «кладу вместе» — вид складчатых изгибов слоёв земной коры, характерных вогнутой формой) западного крыла с Черногорского квершлага (квершлаг — горизонтальная, реже наклонная, подземная горная выработка) горизонта «плюс 15 метров» произошло обрушение сопряжения печи № 17 (печь - вертикальная выработка,

предназначается для прохода шахтеров или для выгрузки угля) с пятым параллельным штреком, вследствие чего...»

2.

А пока во вторую смену народу в забое было мало: горнорабочий Александр Елисеев, откатчик, слесарь. Они находились в так называемом параллельном штреке, привычно выгружая из печи отбитый уголь, когда над головой затрещало. Все бросились к выходу из забоя, Елисеев – в обратную сторону, (он потом говорил, что это произошло автоматически, от страха). Рухнувшая порода в секунды сломала крепление, деревянные столбы-стойки, которыми это крепление подпирается, в единый миг разделила горняков.

...Тупик, пленивший забойщика, в длину был шага два-три. Оглохший от неожиданности, Елисеев растерялся: «Вроде и живой. А что дальше? Кричать нельзя, вдруг ещё сыпанёт!».

- Тишина была такая, что до звона в ушах, - вспоминал он. – А потом загудел двигатель конвеера. Я понял, что ребята ко мне пробиваются. Я их как-то сразу всех полюбил... И уже не боялся. Да, вот только за воздух переживал, чтобы его хватило до конца...

А в это время товарищи Елисеева не знали, что с ним, жив ли. Но ни на минуту не усомнились, что его надо выручать, звать подмогу. Есть надежда или нет её, - надо действовать.

...Спустя несколько минут в кабинете дежурного по шахте раздался телефонный звонок:

- Советов говорит... Человека засыпало. - По правилам, в такой ситуации на шахте сразу прекращаются все виды работ, горняков всех участков выводят на поверхность.

Ещё через минуту о случившемся узнали главный инженер шахты Н.А. Новиков, замдиректора по производству А.П. Иванов. Уже через десять минут подоспел взвод горноспасателей во главе с опытным командиром А.М. Сидоровым. У места аварии хлопотали горнотехнический инспектор Г.И. Шадров, заместитель главного инженера шахты А.С. Усков, начальник соседнего участка № 13 А.К. Гринимеер. Тревога за судьбу горняка охватила весь коллектив предприятия.

У места аварии быстро распределили обязанности. Конвейер, которым «качали» уголь из злополучной печи, был засыпан. Горняки

сомневались: можно, конечно, запустить конвейер, но как поведёт себя гора при этом? Надо быть предельно осторожными.

Как там Елисеев, никто не знал, связи с горняком не было. Но каждый сейчас думал именно о нём, верил, что тот жив.

Действовали быстро. Двое умчались за головкой привода: решили укоротить и запустить конвейер, чтобы быстрее разбирать породу. А.С. Усков собрал людей с соседних участков №№ 2,4,6. Спасатели начали вручную разбирать завал – его ширина составляла около шести метров – ставить дополнительные крепления.

3.

А время шло. Люди яростно и осторожно вгрызались в завал. Вот принесли новую головку привода, смонтировали. Только запустили конвейер – скрежет, остановка: лопнул металлический рештак.

У горняков дрожали руки от злости на гору: отдай человека живым! Они спешили, а тут... Что же делать? «Елисеев!», - крикнул кто-то. – Саша!.. Елисеев!..» Потом началась минута молчания. Это так принято на шахте во время аварии, когда есть надежда достать людей из под завала живыми, через определённые промежутки времени объявляют минуты молчания: выключают все механизмы, замирают лопаты в руках спасателей. Слушают гору...

И вдруг в ответ глухо, еле слышно:

- Ребята, я живой! – это он пришел в себя. Страх отпустил: раз товарищи где-то рядом, значит, выручат.

Опытные горняки понимали, что надо как можно скорее пополнить запасы свежего воздуха в каменном мешке, в который попал забойщик. Решение нашли довольно быстро, когда разъединили и выдернули из завала сломанные рештаки, в этом месте образовалось небольшое отверстие, в него и пошёл воздух.

Весть о том, что Елисеев жив, разнеслась быстро. На помощь подоспели шахтёры третьей смены. Когда узнали, что живой, вздохнули с облегчением. Хотя, операция не завершена, и у горняков разные приметы. Ведь, как бывает: внезапно произойдёт второй обвал.и... Не дай, Бог...

Разбирать породу начали ещё быстрее.

О каждом из спасателей Елисеева можно было бы написать отдельный рассказ. У многих интересная судьба, тесно связанная с родной шахтой. Александр Павлович Иванов – заместитель директора шахты. В этот день он исполнял директорские обязанности. Он возглавил штаб аварии. Ему вроде бы и не положено быть в штреке, можно было бы отсидеться и в кабинете, но какое там...

Артур Константинович Гринимеер, начальник участка № 13. Много лет добывает уголь, многое бывало: сам попадал в завал. И его спасали. Поэтому помочь товарищу для него – святое. Пусть не на его участке случилась беда, он пришёл на выручку.

Вот деловито распоряжается подчинёнными Анатолий Михайлович Сидоров, командир горноспасателей. Многие ему жизнью обязаны. Он и сейчас уверен: вытащим парня.

Немало людей в эти минуты собрал вместе закон шахтёрской взаимовыручки.

Ни криков, ни суеты в штреке. Только, может, чуть веселее, чем прежде (пусть не вешает носа) переговариваются с «пленником».

4.

С третьей сменой пришёл в аварийный штрек и забойщик Афанасий Иванович Булгаков. Немолодой уже, смелость и житейскую сметку его всегда ценят его коллеги

- Стой, мужики, - остановил Булгаков спасателей. – а ведь с верхнего штрека у нас скважина – дырка – должна идти в эту печь. Аккурат в тупичок с Елисеевым должно упираться.

Горняки с недоверием выслушали ветерана: если и была та скважина, то в каком состоянии она сейчас? Ведь угля здесь взяли уже немало.

- А что, - поддержал кто-то. – Проверить надо!

Решили так: завал разбирать дальше, а Булгаков в это время поищет другой способ спасения. Помочь Булгакову вызвался Анатолий Борихин. Они взяли у горноспасателей веревку и кинулись наверх по вентиляционному штреку.

Афанасий Иванович почти на ощупь отыскал забытую скважину. Есть! Оба горняка в один голос закричали в эту темную дыру:

- Елисе-е-е-в!

И он радостно откликнулся:

- Здесь я!. Осторожнее, а то сорите сильно.

- Опыт подсказывал: кидаться сломя голову в эту узкую дыру диаметром всего в полметра не следует. Надо все проверить. Нужен был смельчак, который рискнул бы проделать этот двадцатиметровый путь первым. Вызвалось сразу несколько человек, подоспевших сюда. Кандидатура Булгакова отпала сразу – кряжист. Не подошел по габаритам и забойщик из соседнего участка Бабанов.

Жребий пал на Борихина. Молодой - всего года четыре назад отслужил в армии срочную, сухощавый. Анатолий годился для рискованного дела. Впрочем, последнее слово за ним. И он сказал: «Пойду», - торопливо снял кое-что из одежды и снаряжения, чтобы не мешало. Остался в брюках и нательной рубаше.

На спуске его страховали трое. Медленно уходил вниз горняк. Все затаили дыхание. Наконец, веревка ослабла, смельчак ступил на почву...

Обратный путь Борихин проделал вторым. Первым через скважину подняли Елисеева, бледного, чумазого. Около шести часов пробыл он в горном плену. Какими бы сложными, противоречивыми ни были за это время мысли горняка, с первой и до последней минуты был уверен: выручат.

Горняки ликовали. Они не стали подниматься в клетки, пошли на-гора пешком по наклонному скату. Слишком велико было возбуждение, хотелось выговориться. Каждому не терпелось дотронуться до спасенного товарища, сказать ему несколько слов.

Потом они долго сидели, курили. Снова переживали случившееся.

... С тех пор прошло не так уж много дней. И сегодня все участники этого ЧП продолжают трудиться на «Центральной». Работает и забойщик Александр Никифорович Елисеев, добросовестно служит шахтерскому делу.

5.

Вновь перечитываю строки приказа № 120 по шахте, скупое отразившего суть произошедшего на участке № 16. Аварии могло не быть, если бы строго выполняли в этот период на участке все требования правил техники безопасности, опытнее действовал горный

мастер смены, четче работала внутришахтная телесвязь с лавой. Эти причины устранимы. И на шахте позаботились, чтобы они не возникли снова.

Не задумываясь, шли на помощь многие горняки, весь коллектив переживал за судьбу шахтёра. Но в тот день произошло ещё одно ЧП. На фоне больших событий о нём как-то забыли. А оно не даёт покоя.

В тревожные минуты, когда разрабатывался план спасения, потребовалось срочно доставить материал в забой на шахтовом электровозе. Прибежали к горному мастеру шахтного транспорта Л. (его фамилия недостойна публикации): «У тебя есть права машиниста. Срочно вези – там человек!».

- А почему я? – равнодушно перебил он, - пусть другие.

Он забыл о законе горняцкой чести и остался в одиночестве...

Беседую с Артуром Константиновичем Гринимеером:

- Иные считают, что не надо об этом рассказывать, - говорит он. – Мол, молодые превратно поймут условия работы в шахте. А как же шахтёрское братство?! Любой из нас каждую минуту должен быть уверен в товарищах. Одни в сложных условиях проверяются на человечность, мужество. Другие учатся на их примере.

В жизни важно и то и другое.

Караси

1.

Софийский собор величаво возвышается над зданиями Варны. Это место считается центром курортного города, который уютно расположился близ Черноморского побережья. О море здесь напоминает многое. Например, если пройти от собора на север несколько улиц, то окажешься у музея морских вооруженных сил Болгарии. Катера, торпедные аппараты, береговые орудия, круглые рогатые мины «толпятся» во дворе музея. Эти бронтозавры отгремевшей Второй мировой войны уже не выглядят так грозно, как когда-то.

Я долго рассматривал их, а потом с удивлением обнаружил, что людской поток с безразличием движется мимо в стоящее недалеко двухэтажное здание с высоким крыльцом. Над его массивным входом было выведено одно единственное слово «Аквариум». Кто-то расположил вблизи друг от друга военный музей и многочисленных водных тварей. Наверное, сказалась близость моря...

В полутёмном зале я переходил от одного аквариума к другому. В полумраке каждый из них, подсвеченный неонами, напоминал большой телеэкран – длинный ряд фантастических телевизоров. В них проходила жизнь морских бычков, кефалей, ставриды и прочей морской и речной живности. Серая, как морское дно, и плоская, как разделочная доска, камбала конвульсивными движениями зарывалась от любопытных глаз в песок. От её усилий спрятаться веяло какой-то своей, рыбьей грустью, желанием остаться наедине, а выпученный камбальи глаза безучастно уставились в потолок.

Я долго изучал эти тёмные со светлым ободком глаза. Невероятно, но показалось, что в их неподвижной глубине скрыто страдание. После этого маленького открытия я стал присматриваться к глазам других рыб. У соседней камбалы – осетров – аквариум более солидных размеров. Да и сами рыбины, увеличенные выпуклым стеклом, были огромными. Эти не прятались от зрителей. Лениво шевеля хвостом и плавниками, проплывали перед самыми лицами. Можно в деталях рассмотреть каждое пятнышко на их мощных спинах, каждый стебелек усом под внушительными носами. Но особо притягивали к себе осетровые глаза: желтоватые, застывшие, они светились

неподдельной злостью, прямо-таки яростью ко всему окружающему. Так и читалось в них: «Только попадись мне один на один...»

Выражение глаз сома было лениво сонным. Этот чёрный великан неподвижно лежал на дне своего жилища и всем видом говорил: не трогайте меня, я переделал кучу дел, здорово устал. Глуповатыми глазами взирали на водный мир сазаны. Похоже было, что им все равно, где сидеть, лишь бы кормили. Испуганно стреляла глазками форель. По-змеиному, не мигая взирал на белый свет угорь. Воровато бегали глазки у миниатюрных сардинок.

Я переходил от экрана к экрану. Когда-то давным давно мне уже приходила мысль об осмысленности рыбьего взгляда. Память заело, словно старую пластинку: в ней раз за разом прокручивался обрывок давнего события. Но, когда, где? Не мог вспомнить. Пока, наконец, не увидел аквариума с карасями.

Наверное, каждому из нас доводилось хоть раз в жизни, если не ловить эту рыбу, то уж попробовать её на вкус. И все, кто бы ни подходил к карасям, улыбались им как давним знакомым. Их серебристая стая подплыла к самому стеклу, я увидел, что рыбы улыбаются хитровато. И тут я вспомнил, где видел уже это.

2.

...Когда-то давно отец взял меня, тринадцатилетнего пацана, с собой в летний отпуск. В одном из лесхозов, затерявшихся в дебрях Восточной Сибири, в среднем течении Ангары, валили лес и проживали друзья отцовской юности. Добрались мы к ним, переменяв три самолета. И в каждом – в современном в те годы серебристом ИЛ-18, сером полувоенном ИЛ-14, в маленьком АН-2 - отцу приходилось объяснять, что огромный рюкзак и чемоданы, доверху набитые охотничьими принадлежностями, совсем не так тяжелы, как кажется. И что доставить к месту назначения нас надо целиком со всеми вещами.

Когда АН-2 лихо приземлился на песчаном аэродроме прибрежного поселка с названием Говорково, радости встречающих не было предела. Володя и Олег, здоровые бородатые мужики, радовались тому, что мы привезли им кучу дробы, ружейных гильз, пороха, рыбацкой снасти и много ещё чего, что так радует настоящих рыбаков-охотников. (Были же времена, когда всё это можно было перевезти самолётом!)

Володя и Олег были похожи друг на друга большим ростом, неухоженной чёрной щетиной. Оба приехали работать в лесхоз по найму, оба шоферили здесь на могучих лесовозах, оба мечтали заработать денег и, вернувшись в родной город, купить машину.

Жили они в сборном брусчатом доме на краю лесхозовского посёлка. Жили, надо сказать, по спартански, кроме самодельного стола, не было у них ничего. Сидели на чурбаках, спали прямо на полу. Мебель не приобретали из-за жесткой экономии, которую они установили для себя сами.

Не было у них и электричества, из-за чего жить приходилось «по солнцу», благо стояло лето с его длинными вечерами и короткими ночами. Из алюминиевой проволоки, которую им выдали, чтобы – как все жители посёлка - провели свет от дизельного движка, они сплели большие мордушки для ловли рыбы.

3.

Они всё подчинили строгому учёту. В магазине покупали только хлеб да соль, всё остальное добывали в лесу и на реке. Так как добывать было нелегко, как кажется на первый взгляд, в этом богатом рыбой и дичью крае, да и работа занимала много времени, то они решили переложить заботы о хлебе насущном на плечи отца и на мои. Рассчитывать на магазин было строго запрещено.

Вначале мы рьяно взялись за дело. Легче всего оказалось брать в лесу грибы. Они росли здесь в великом множестве. Несколько дней Володя с Олегом удовлетворялись грибным меню. Однако вскоре они начали просить мяса и рыбы.

Широка Ангара восточнее известного городка с названием Богучаны. У каждого в лесхозе была моторная лодка. Местные обитатели мастерили их из длинных, тонких, просмоленных досок. Была моторка и у отцовых друзей.

И вот, Олег с Володиёй ранним утром отправились на работу, а мы на лодке поплыли на один из островов: их немало разбросано на реке вдоль берега. В весеннее половодье они скрываются под водой, а летом всю зеленеют, чем и пользуются жители, перевозя сюда на все лето бычков на дармовой откорм.

Этот остров был больше других, зарос травой, тальником и камышами. Володя с Олегом хвалились, что именно на этом острове,

а вернее, на его озерцах, оставленных весенним половодьем, они стреляли уток, ловили карасей. А вот нам почему-то не везло. Несколько дней к ряду мы с отцом плавали сюда, привязывали лодку к дереву и бродили с ружьями в поисках дичи, но все безрезультатно: ну, не были мы настоящими охотниками! Мы пробовали стрелять уток на воде и влёт. Но только напрасно переводили патроны.

Потерпев неудачу на охоте, мы смастерили удочки и принялись рыбачить на озерах. Но и здесь, видимо, нужен был хороший навык. Целый день просидели мы, наблюдая за неподвижными поплавками. Лишь по паре раз вытащили по карасику... Дома их зажарили до хруста и съели. И ещё пару дней довольствовались грибами.

Отец грустил от неудачи и от нечего делать начал мастерить табуретки, скамейки, кровати. В несколько вечеров, при помощи топора, молотка, ножовки да одолженного у соседей рубанка, он обставил холостяцкое жилище. В этом он был настоящим мастером.

Однако Володя с Олегом хотели расшевелить нас, а заодно – пополнить продовольственные запасы, ведь их здоровые желудки требовали настоящей пищи. Так что в очередной выходной день мы все отправились на остров, на настоящую рыбалку, о которой долго потом вспоминали.

4.

У заросшего камышом озера мужики приказали нам подождать, а сами «нырнули» в прибрежные кусты. Вскоре они выволокли оттуда небольшую плоскодонную деревянную лодку с высокими бортами. Людка была старая – края изъедены трухой. Вид судна не внушал доверия, эта мысль отразилась на наших лицах.

- Ничего, - успокоил Володя, - мы на этой лодке в прошлое лето рыбачили, и – ничего. Она десяток мужиков выдержит...

Мы примяли камыши у берега и спустили утлую посудину на воду. Весел не было. Вместо них бросили в лодку корягу, положили в неё рюкзак с сетью, и осторожно, по одному, забрались сами. Лодка даже не просела в воде. Это вселило в нас уверенность

Сеть поставили быстро и до вечера решили поохотиться. Лодку спрятали в камышах и разбрелись по острову в поисках удачи. У меня была старая одностволка двенадцатого калибра. Раза три «встречался» я с утками, а выстрелить не удалось: то позиция

казалась неудобной, то не успевал вовремя сдернуть с плеча ружьё. К вечеру едва переставлял усталые ноги в больших не по размеру резиновых сапогах. Весь день на острове то тут, то там раздавались выстрелы: это действовали Володя и Олег. Я несколько раз сталкивался с ними на тропинках и с каждым разом число убитых уток на поясе у каждого росло.

Наконец, солнце начало клониться к закату. От воды потянуло прохладой. Мы сели в лодку и быстро выгребли к тому месту, где темнела цепочка поплавков сети. Улов оказался солидным. И Володя с Олегом энергично начали выбирать из ячеек серебристых карасей и бросать на дно лодки. Отец с увлечением помогал им.

Я сидел смиренно и смотрел. Всех нас охватил азарт. Я начал собирать со дна пляшущих рыбин и перекидывать к задней банке. И вдруг с удивлением обнаружит, что в лодке появилась вода. Её было ещё немного, но она довольно быстро прибывала из открывшихся многочисленных щелей.

Я сообщил об этом взрослым. Но они только отмахнулись.

- Не дрейфь, - бросил через плечо Олег, - скоро закончим.

Я уселся на банку. А вода всё прибывала. Караси чувствовали себя в ней превосходно. Мужики продолжали выбирать сеть и громко обсуждали улов.

Борта у лодки были высокими, но вода скрыла их уже наполовину.

- Чего сидишь, вычерпывай! – сказали мне. Я поискал что-нибудь подходящее для этого, однако в лодке ничего такого не оказалось.

Тогда я стянул с ноги сапог – вода показалась холодной! – зачерпнул им и с трудом вылил за борт.

Как заведённый я вычерпывал воду минут пять, отгоняя нахальных рыбёшек, которые норовили проскользнуть в сапог. А когда я остановился, то понял, что усилия мои тщетны: вода продолжала прибывать. Тем больше меня удивлял азарт взрослых, которые ни на что не обращали внимания. Даже отец с увлечением вынимал запутавшуюся в сети рыбу, не оглянувшись в мою сторону.

Солнце уже спряталось за лесистыми сопками. Туман на дальнем конце озера стал гуще. Хотя было ещё светло.

Наконец, когда вода в лодке всего лишь на ширину ладони не доходила до края бортов, мы повернули к берегу.

Теперь и мои спутники поняли, что дело серьёзное. Отец хотел пробраться с носа лодки ко мне, но судно грузно покачнулось, грозя зачерпнуть бортом, и он оставил свои попытки.

Я сидел на задней банке, а поскольку она была скрыта под водой, я сидел на воде. Мой бесполезный сапог плавал по лодке вместе с карасями. От холода зуб на зуб на попадал. Становилось ясно, что от купания нас спасёт только чудо.

Володя торопливо греб корягой, Олег греб своей широкой ладонью. Они старались побыстрее пристать к тому берегу, который поближе, - выбирать уже не приходилось.

Берег, куда мы пристали, был довольно крут. Мужчины вскарабкались на него, а я остался на корме.

- Держи рыбу, - крикнул мне Володя. Они ухватились за нос лодки, уперлись ногами в траву и рванули лодку на берег. Судно резко накренилось. На меня обрушился шквал воды вперемежку с карасями, которых я пытался задержать, раскинув руки в стороны. Но караси уходили назад, в озеро. Сам я от резкого толчка едва не свалился вслед за ними.

- Держи!!! – в один голос крикнули мужики и вмиг оказались по грудь в воде – у меня за спиной. В первые мгновения они пытались ловить уже покинувших лодку карасей. Отец первым оценил ситуацию и плечом приподнял корму. Володя и Олег поспешили ему на помощь.

Потом мы решили разделиться: мы с отцом выбрасывали из лодки на берег уцелевшую рыбу, а Володя с Олегом поддерживали корму.

5.

Рыбалка закончилась уже в сумерках. Все были насквозь мокрыми. Караси поблескивали на траве. Мы хватились, что забыли взять из дома мешок или что-нибудь иное под улов.

- Может, сложим в мои сапоги? – предложил я.

Все согласились. Вылили из сапог воду и покидали в них рыбу. Сапоги были полны до отказа.

Дома при свете тусклого солнышка мы переоделись. Володя растопил печь, развешал вокруг нас мокрую одежду. Когда стали доставать карасей, они трепыхались и бились хвостами об пол. Я налил в два таза колодезной воды и высыпал в них содержимое сапогов. Караси дружно зачавкали в тазах.

Я взял одного из них и поднес к свету. Рыбий глаз усмехался, будто говорил: «Ну что, боком вышла ваша рыбалка!..»

В тот вечер мы пожарили рыбу, наелись и завалились спать. А наутро у всех поднялась температура. Пришлось несколько дней отлеживаться дома.

... Я смотрел на карасей в аквариуме. Стайка крупных серебристых рыб отплыла вглубь своего стеклянного дома и исчезла из вида.

Здесь же, в здании Аквариума, есть киоск, где продают цветные открытки с изображением рыб. Купил ту, на которой фотограф запечатлел карасей. Вглядитесь в них внимательнее: они улыбаются.

Тюльпаны

1.

Вагоны уныло покачивались на рельсовых стыках и медленно тащились куда-то в ночную неизвестность. Зенитно-ракетный полк уже несколько дней ехал на учения. Виталию не спалось. Не давали покоя воспоминания о доме, тоскливые, какие бывают только на первом году солдатской жизни. Ясно представлялось растерянное лицо матери, когда его, стриженного, посадили в потрёпанный военкоматовский автобус, чтобы увезти «в армию».

...Виталию показалось, что он лишь на несколько минут прикрыл глаза. А когда открыл, яркое солнце буквально ослепило. Не было ставших уже привычными за неделю путешествия толчков и покачиваний. В окно виднелись плоскокрышие домики станционного поселка, за которыми лежала – насколько хватало глаз – степь. Снега не было совсем, что после недавних сибирских морозов, которые в марте в Омске не редкость, было непривычным.

За суматохой подъема и сборами, после которых полк «оторвался» от состава и твёрдо встал на колёса у небольшой станции, время пролетело незаметно. По колонне передали приказ: «Отдохнуть». Виталий с товарищем пошли по пыльной обочине вверх, к вершине холма. И, будто отступая под их ногами, степь раздавалась вширь. Линия горизонта отодвигалась все дальше и за ниточкой крохотных холмов сливалась с голубой дымкой неба. А уже там, за этой едва уловимой линией, словно парили в воздухе еле видимые вершины гор.

Все и казалось, и было странным в этой южной степи Казахстана. Зимы не было и в помине, солнце грело так, что впору сбросить солдатские бушлаты. Вот это март! Виталий вдруг вспомнил, что в марте у матери день рождения, что надо бы не забыть и вовремя написать письмо. Вспомнил, как однажды весной они с ней собирали цветы. И она сказала, что в марте еще нет даже подснежников, поэтому ей редко дарят на день рождения цветы... Да, подумал он, вот бы к нам в Сибирь такую погоду, все цветы были бы наши!

2.

День промелькнул быстро. Они занимали позицию предстоящих армейских учений, расставляли технику, размечали площадки для сборки ракет. Жить предстояло прямо в вагонах. Лечь спать разрешили сразу после позднего ужина: все очень устали. А учения только разворачивались. Но Виталий решил немного прогуляться.

Темнота опускалась незаметно. Воздух незнакомо пах дымком и влагой. В посёлке завели дизель и за насыпью вспыхнуло зарево: это во всех домах зажёгся свет. На освещённой улице никого не было. Только у калитки последнего дома кто-то стоял. Виталий подошёл ближе. На него насмешливо глянули тёмные, чуть раскосые девчоночьи глаза.

- Ты зачем тут ходишь один? – спросила она тихо.

Виталий не нашёлся что ответить, молча разглядывал её: небольшой вздёрнутый нос, высокий чистый лоб, припухшие губы – всего лет пятнадцать, а ростом не больше калитки.

- А может ты глухой? Как тебя зовут?

- Виталий, - он смущённо протянул ей руку.

- А я – Алька. Тебя не потеряют там? – она кивнула в сторону насыпи.

- Нет, ещё рано, - ему захотелось спросить про степь, про незнакомые запахи. Но он не знал, как начать. Она будто услышала его мысли:

- Ты откуда приехал, из Сибири, наверное?

Виталий, словно боясь, что его могут остановить или не так поймут, торопливо и сбивчиво начал рассказывать о зиме, о лесе, о том, какие бывают вёсны.

- А чем пахнет в степи весной? - спросил он безо всякого перехода. Она ответила: «Цветами».

3.

...Дни просто пролетали. Они слились в один, наполненный работой и усталостью. Здесь, на полигоне, учения не походили, как раньше, на игру. Всё подчинялось одной боевой задаче. Через несколько дней, троекратно проверенные до последнего винтика, торжественно замерли на автоприцепах грозные туловища ракет. Их оставалось зачехлить и отправить на огневые позиции.

... Едва в окна вагона просочился тусклый рассвет, Виталий тихо встал, бесшумно оделся. А еще через несколько минут он стоял у знакомой калитки. Судя по окнам, в доме ещё спали. Он тихо позвал: «Алька»... Она выросла, как из-под земли, словно ждала его.

- Я придумала, пусть цветы будут для тебя сюрпризом. Пойдём на холм.

Они прошли по спящей улице, дорога шла на подъём. На вершине они остановились. Виталий на мгновение зажмурился и широко раскрыл глаза. Солнце уже встало над горизонтом, и ослепительно горело. Но степь полыхала красным не от солнечных лучей, это цвели тюльпаны. Они буквально усеяли вершины ближайших холмов. Цветы были прямо под ногами! Казалось, что при каждом движении солнца их бутоны раскрывались все шире.

- Вот это да! – восхитился Виталий. – Эх, если бы можно было подарить их маме на день рождения!

- Послушай, а что, если послать домой цветы? Нет, не те, которые распустились, а вот эти. – Алька показала на едва проклюнувшиеся ростки.

Вечером Виталий надолго засел в палатке-мастерской. Из куска фанеры он смастерил плоский ящик. Дырки в нём просверлил уже при свете лампочки. А утром, после завтрака, он нерешительно мялся возле офицерского купе. Наконец, осторожно постучал. «Войдите», - послышалось из-за двери, и он оказался один на один с командиром полка, крупным полноватым военным с майорскими звёздами на погонах.

- Слушаю, - вывел из оцепенения густой бас.

Смелость окончательно покинула Виталия. Он сбивчиво и торопливо заговорил о весне, цветах, дне рождения. Чувствовал, что слова звучат неубедительно. Он только заикнулся о машине и почте, которая есть в маленьком соседнем военном городке, как командир резко оборвал его:

- Какая машина? Вы в армии или в детском саду!? Почему, товарищ солдат, вы обращаетесь ко мне, у вас нет непосредственного начальника?

...Алька ждала на дороге.

- Всё, машины не будет! Пойдём пешком, - выпалил он, не переводя дыхания. И добавил тихо, - Ты же знаешь дорогу.

Здание почты они нашли сразу.

- Скоро дойдёт?- спросил Виталий.

- Откуда я знаю, - раздраженно ответила приёмщица и сунула ему квитанцию. И в этот же момент над ухом раздалось: «Предъявите ваши документы, товарищ солдат!». - Он увидел белые ремни, лейтенанта с повязкой «Патруль».

Вечером сам командир полка приехал за ним в комендатуру на пропылённом узике. Он приказал запереть Виталия в пустом купе.

4.

...Из купе выпустили, когда поезд, набирая ход, устремился на север. В тамбуре его встретил сержант Лешаков.

- Тебе передала эта... Чёрненькая.., - он смущённо отдал Виталию букет цветов и записку. В записке было всего два слова: «Захочешь, напиши».

Через неделю полк прибыл домой. Казалось что время повернуло вспять: их встретил сибирский морозец, по-зимнему дул ветер. И только алькина записка убеждала, что недавние учения были реальностью.

Вскоре после приезда он получил письмо от матери. Как всегда, до мельчайших подробностей она описывала домашние события. Но, самое главное, сообщила, что его цветы дошли. Что он – самый внимательный сын.

Однажды, спустя месяц после учений, командир полка вызвал Виталия и сказал ему, вытянувшемуся в струнку:

- Что же ты, товарищ солдат, про машину мне не объяснил тогда толком?

Потом тихо приказал «Иди». А сам присел к столу и вновь вчитался в ровные строчки письма, адресованного ему.

«Цветы, конечно, не дошли – завяли, - писала незнакомая женщина. – Но для меня никогда не было подарка дороже, чем этот ящик с песком, который прислал мне мой сын. Спасибо Вам за него...»

Наземные ориентиры

Московская была

Эта история случилась несколько лет назад в самом центре Москвы. Мне её рассказал один из очевидцев событий. Разумеется, о настоящих именах и фамилиях не может быть и речи...

Для выполнения важной задачи – обеспечить показательный пролет авиатехники над Красной площадью 9 мая, в день 60-летия Победы, – военным выделили помещение в Никольской башне Московского Кремля.

Люди в форме закончили монтаж оборудования накануне предстоящего праздника, к вечеру 8 мая. Помещение было порядком запущенное. Но если учитывать, что аппаратура диспетчерского пункта, компактной радиолокационной станции заняла совсем немного места, с этим смирились. Вывели в окно антенну. Правда, пришлось повозиться с энергоснабжением: на всякий случай «кинули временку» к оборудованию, потому что местный электрик проворчал: «Электричества может не хватить на ваши консервные банки». Установили телефон прямой связи с военным «режиссером» парада, чтобы вовремя получить необходимые команды.

Закончили поздно, сделали контрольные проверки, убедились, что все работает нормально. А это означало, что лётчики, приняв наводящие сигналы этой РЛС, не сойдут с курса, в любую погоду смогут сориентироваться и вывести свои машины на Красную площадь. И завершение парада войск будет красиво завершено пролетом и фигурным пилотажем знаменитых «Стрижей».

Ночь прошла спокойно, а ранним солнечным утром, часов с семи, сюда, в башню, начали прибывать военные, те, кто должен выполнить боевую задачу. Сначала прибыл ответственный подполковник. Едва он открыл запасным ключом двери помещения, появились два полковника войск ПВО.

Следом за ними вошёл тучный генерал, перед которым все встали на вытяжку. А один из полковников скомандовал: «Товарищи офицеры!». «Вольно», - махнул полной рукой генерал и поздравил всех с праздником.

В течение получаса комната наполнилась военными, прибыло еще несколько полковников, два генерала, при каждом генерале был ординарец, а уж иных старлеев, капитанов и майоров трудно было пересчитать.

Кстати, первый генерал – тот, что был тучным – представлял генштаб, второй – высокий и худой – был из войск ПВО, третий – молодой, среднего роста и широкоплечий – из воинского соединения, откуда прибыла РЛС.

Откуда-то достали стулья, но всем не хватало, младшие чины стояли. Все курили, так что через час было накурено, хоть топор вешай.

На всякий случай постоянно проводили проверку связи, проверяли работу оборудования. Команду об этом генералы давали по очереди, немного «кобенясь» друг перед другом. Все работало как часы. А выполнявший их команды младший комсостав ворчал про себя, откуда, мол, генералов сюда нагнали. Но вслух не говорили ничего, кроме короткого: «Есть». Знали, что в армии любят перестраховываться.

Часу в девятом генералам надоело дергать подчиненных, да и перезнакомились достаточно близко, а потому решили выпить. Предложение внёс генштабист, никто не возражал. До начала парада оставалось ещё чуть меньше двух часов. Ординарцы выполнили предложение быстро и безукоризненно. Стаканы и коньяк появились, как будто по мановению волшебной палочки.

Выпили немного, всего четыре тоста: за армию, за генштаб, за женщин и за Победу... Закусили лимончиком. Закурили все, кроме генштаба. Сделали вид, что не понимают, зачем так часто подчинённые выходят в коридор, а возвращаются оттуда с покрасневшими лицами.

-Эх, сейчас бы чайку, - потер руки генерал от генштаба. К нему тотчас же подскочил капитан-ординарец:

- Какой изволите: черный, зеленый, с жасмином, чабрецом?

- Зелёного нам сделай, - заказал толстый генерал, остальные одобрительно закивали головами.

Капитан тут же сбегал за водой, достал электрочайник. И включил его в свободную электророзетку рядом с оборудованием...

Секунд через пять моргнула лампочка под потолком, которую забыли выключить. Потом раздался сухой треск, хлопок и все светящиеся части оборудования погасли: экраны РЛС, компьютеры, лампы подсветки. Остро запахло карболкой. Военные растерянно переглядывались, те, кто сидел, вскочили на ноги.

- Что это было, - растерянно спросил худой генерал, который представлял РЛС. – Это же короткое замыкание!?

- Короче не придумай, товарищ генерал, - скривился один из полковников.

- Так чего же сидишь? – набычился молодой генерал, - устраняй неисправность. - Несколько человек кинулись в коридор, искать силовой шкаф. Вскоре один старший лейтенант вернулся и доложил, что в коридоре полно дыма, он валит из силового шкафа, последний же заперт на такой мощный замок, что с ним так просто не совладать.

- А где местный электрик? – спросил тот что из генштаба, наливаясь краснотой.

- За ним уже побежали, - доложил вытянувшийся в струнку майор, который выглядывал из-за старлейта.

Как бы в подтверждение его слов, в комнату ввалился запыхавшийся капитан и сообщил, что электрика найти невозможно, по причине того, что сегодня же праздник, у людей выходной, а электрик вообще поехал на дачу. До него дозвонились, но он послал всех «на...», говорит, что вчера предупреждал.

- Что же делать?! – замычал худосочный генерал из войск ПВО. – Это же срыв боевой задачи! Тут мало, что без погон останешься, тут трибуналом пахнет.

- Это всё из-за того, что кому-то захотелось чаю зелененького, - сдавленно прошептал молодой генерал. И многозначно посмотрел на генштабовца. - Ведь мы-то всё сделали как надо!

До начала парада оставалось всего ничего: часы на Спасской башне пробили без четверти десять. Все машинально посмотрели на свои часы.

... А в это время Красная площадь уже была забита людьми под завязку. Войска завершали расстановку для приветствия министра обороны, закончил «прокашливаться» большой сводный оркестр ...

Из коридора, разгоняя ладонями дым, ввалились два майора:
«Разрешите...» Штабист безвольно махнул рукой: валяйте.

- Можно устроить переноску, подключим её к силовому кабелю перед силовым шкафом, - торопливо доложил майор. - Кабеля- то надо всего метров пятнадцать. Мы посчитали.

- Ну и где он ваш кабель? - ехидно переспросил РЛС-ник.

- Помолчи, молод еще, - оборвал его толстый, - надо найти кусок кабеля.

- Слушаемся, - щелкнули каблуками майоры и убежали.

- Есть ещё вариант, - вскочил со своего места полковник, - давайте вынесем оборудование в коридор, подключим его напрямую...

- Ага, - перебил его генерал от ПВО, - вчера станцию целый день монтировали, а ты предлагаешь за пять минут!

- А может сигнальщика с флажками на крышу башни отправить, - предложил подполковник.

- Давайте, - прохрипел штабист и покраснел, как вареный рак. - Давайте насмешим весь мир. Тут уж точно без погонов останешься.

В это время затрещал прямой телефон. Генерал от генштаба поднял трубку.

- Как там у вас, всё готово? – Голос говорящего был слышан всем, его явно не интересовали ответы на вопросы. - Начинаем парад, эскадрилья тоже уже взлетела. Так что начинайте наведение... - И он отключился.

- Ох, жизнь-рулетка!.. – охнул кто-то – Что же делать-то?

- Да, семь бед – один ответ, - гаркнул генштабовец. - Наливайте, товарищи, последний день на свободе...

Все выпили в полной тишине.

... За окнами башни своим чередом шёл парад. Но, кажется, к этим воякам он не имел никакого отношения. Они выпили ещё и ещё...

Генерал от ПВО всё порывался спросить, кто из них будет докладывать начальству о срыве выполнения задачи.

Штабист ответил так: сами ни о чём докладывать не будем, пусть все идет, как идет.

Вскоре они услышали гул самолётов.

Самолёты шли над Красной площадью ровными рядами, затем перестроились, показывая элементы пилотажа... Закончили тем, что выпустили в небе разноцветный шлейф в цвета российского флага.

Парад был окончен. А наши друзья все не покидали своих мест.

Вскоре пришёл транспорт за оборудованием. Сержанты и рядовые все упаковали, перетаскали в машины, удивлялись, что это так пахнет дымом? Но им никто ничего объяснять не стал. Да и то, сказать, позор на всю страну!

Уже поздним вечером лётчик из команды «Стрижей» позвонил своему знакомому генералу из ПВО и спросил: не в курсе ли тот, почему их во время парада не «наводили» на Красную площадь. Хотя и договорённость была, и тренировку накануне провели. Что-нибудь случилось?

- А как же вы вышли на точку? – переспросил его пьяным голосом генерал.

- Командир нас вывел по наземным ориентирам, - ответил тот. - Все же, что случилось?

- Да откуда ж я знаю, - уклонился от ответа генерал. - Не знаю. Только советую тебе на работе пореже чаёк попивать...

Горячее молоко

1.

...Улочка, на которой стоял дом моего детства в большом шахтёрском городе, круто спускалась к грязной речке, где давно не водилась рыба. Будто в насмешку наша узкая улица из деревянных небольших домов носила довольно звучное название – Набережная. И если кому-то из наших приходилось бывать в других местах, они там с гордостью говорили: «Живу на Набережной реки Абы!».

На нашей улице было десятка четыре домов, в каждом из них жили дети. И в каждой семье, проживающей на Набережной, считали, что ребёнок должен регулярно пить коровье молоко: настоящее – от коровы, а не то магазинное, которое, как говорила моя мама, «синее» от воды, которой его разбавляют».

2.

Упитанные, вечно жующие буренки на нашей улице были только в одном дворе. Их хозяйку звали Масленичихой. Среди нас, пацанов, ходило немало разговоров об её загадочном характере.

Мы со страхом пересказывали друг другу едва ли не легенды о том, как однажды Масленичиха так схватила за вихры случайно зашедшего к ней пацана, что вырвала клоч волос, и несчастный едва спасся бегством. А другого пацана она будто бы заперла в сарай и держала там, голодного и холодного, несколько дней.

Почвой для этих страхов был её суровый нрав. Жила Масленичиха в большом доме одна. Дом был огорожен крепким забором, попасть за который можно было через массивные деревянные ворота с железной калиткой. Калитки соседей отпирались просто, а вот желающему попасть во двор к Масленичихе приходилось стучать в ворота, пока хозяйка не впустит. Где-то в середине двора в это время без умолку лаяла собака и гремела цепью.

Масленичиха была неразговорчивой. Она появлялась на улице непременно в черном халате, в каких работают в магазинах грузчики, тёмным платком повязывала голову.

Оставалось для нас загадкой, как одна женщина управляет со своими коровами? Не помню, чтобы кто-нибудь помогал ей. Все она делала сама: ездила на собственной телеге, запряженной каурой

лошадью, на покос, возила сено. Её одинокое хозяйничанье рождало в наших головах мысли, будто ей помогает неведомая сила.

За молоком обычно ходили наши матери. Каждое утро и вечер Масленичиха молча отдавала каждой положенную по уговору порцию и брала плату. А молока хватало всем ребятишкам нашей улицы.

По вечерам мать приносила от Масленичихи еще теплое молоко. Я выпивал большую кружку и верил присказкам взрослых, что становлюсь от этого больше и сильнее. А как любил запивать молоком краюху черного хлеба, посыпанную солью!

Когда я болел, мать кипятила молоко на печке, наливала горячее, подёрнувшееся желтоватой пенкой, в фарфоровую чашку, добавляла туда сливочного масла и заставляла пить. Пил, обжигаясь, мелкими глотками и, верно, через несколько дней выздоравливал.

3.

Но однажды случилось вот что. У меня к этому времени появился младший брат. Пока мать его кормила грудью, все шло хорошо. А вот когда он подрос, на семейном совете решили, что он тоже должен получать коровье молоко.

В тот же вечер отец внимательно посмотрел на меня и сказал:

- Вот у матери и помощник вырос. Завтра пойдешь за молоком.

У меня похолодела спина, но возражать не было смысла – родители только посмеялись бы над моими страхами.

Спал я плохо. Просыпался от одного и того же сна: Масленичиха бежала за мной, а мои ноги будто приросли к земле. Весь следующий день понуро бродил по двору, мысленно преодолевал весь предстоящий путь: стучал в ворота, открывал калитку. А дальше – ничего не мог вообразить.

...Медленно, стараясь оттянуть роковую минуту, шел я вечером с бидоном вверх по улице. Некоторые из мальчишек увязались за мной, но, узнав о конечной цели, отстали.

Наконец, подошел к большим тесовым воротам. На калитке висело железное кольцо, которым я тихо постучал. Сразу же залаяла собака. Я уже был готов упасть в обморок или убежать, когда калитка отворилась и показалась Масленичиха.

- Давай, - протянула она руку к бидону, даже не взглянув на меня. - Правильно, хватит дурака валять.

Про дурака я ничего не понял, а она добавила уже из-за ворот: «Зайди в ограду».

На цыпочках я перешагнул невидимую границу страха. Дом стоял в центре уютного двора. У дальней ограды виднелись ровные грядки. Возле большого сарая на приподнятых над землей настилах стояли два стожка сена, их макушки были закрыты брезентом. У невысокого крыльца, возле будки, бегала рыжая лохматая собака и добродушно помахивала хвостом.

Дверь дома открылась, и Масленичиха, тяжело ступая, спустилась с крыльца. Одета она была в неизменный черный халат.

- На, - протянула она бидон. Он был полон до краев.

- Спасибо, - чуть не шепотом сказал я и продолжал стоять на месте.

Она ничего не ответила, повернулась и ушла.

4.

В тот вечер молоко показалось вкуснее, чем обычно. Потом я еще много раз ходил к Масленичихе. Стали ходить к ней со своими бидонами, банками и баночками и другие ребята. Но разговоры о таинственности Масленичихи, ее крутом характере мы вели еще долго. Особенно распалялось воображение тех, кому взрослые не доверяли доставку молока.

Масленичиха вела себя всегда одинаково – молча брала бидон, молча возвращала его. Лишь однажды, когда я уже давно привык к своим обязанностям, она долго не отдавала бидон, все смотрела на меня. И показалось, что в ее серо-голубых глазах сквозила грусть. Потом она потрепала меня жесткой шершавой рукой по голове.

Через несколько лет, когда я закончил школу, и уехал учиться в другой город, узнал, что Масленичихи не стало: её сразила тяжёлая болезнь.

Было жаль эту одинокую женщину с нелегкой, наверное, судьбой.

Но ведь у нее были все мы – целая улица. Если бы не она, кто бы поил нас коровьим молоком, которое не шло ни в какое сравнение с тем, что в магазине? Лишь спустя много лет я догадался, что неразговорчивая трудолюбивая женщина это хорошо понимала.

Исповедь

Давно, когда я ещё был маленьким, а деревья – большими, мои родители, родственники, их друзья и друзья их друзей говорили: «Какой умный ребенок!» При этом они гладили мою призматическую голову и угощали чем-нибудь сладким.

- Он книжки писать будет, - восторгалась мама, глядя, как я разделываюсь с большим томом «Политэкономии».

- Ага, как Шолохов, - добавлял папа, - видишь, даже переплёта не оставил. Ах ты, умница!

Я внимательно прислушивался к их речам и, когда вырос, твёрдо решил стать писателем. Талант у меня был, ведь недаром мне так много говорили о нём, что я, наконец, окончательно уверовал в это. Правда, не написал даже приличного сочинения в школе. Но это было неважно. «Главное, я талантлив, - думал я. – А талант беречь надо и нечего его попусту растрачивать».

И вот однажды по привычке я постучал себя по голове и, не услышав в ответ пустого звука, решил, что созрел для нашего (а в том, что оно наше, я не сомневался) литературного дела.

- Надо что-нибудь написать, - сказал я себе, - но такое, чтобы потрясло весь мир, а иначе не стоит марать бумагу...

Где-то я прочитал, что настоящий писатель подолгу вынашивает свои произведения. Я тоже начал вынашивать свою мысль, вынашивал её целую неделю.

- Это будет рассказ, - думал я. – Нет, повесть. Впрочем, повесть – это маловато. Пожалуй, напишу роман.

Итак, с жанром было решено, но тут встал новый вопрос – тема.

- О чём же ещё не успели написать? – я проклинал всех писателей. Про войну уже написали, про мир – тоже, даже образы отцов и детей в литературе вывели.

Невесёлые мысли одолевали меня:

- Эх, вот и талант есть, и желание, а темы – тю-тю! Да, поздновато я родился!

Побежал в библиотеку. Перед глазами замелькали корешки томов. Взгляд случайно остановился на толстой книге в сером переплёте: Б. Полевой «На диком берегу». Раскрыл, читаю вступление. Оказывается, книга о большой стройке. И тут меня осенило: это будет стройка! На Крайнем Севере!! Героическая летопись о моих современниках!!!

На следующий день я встал с петухами – и сразу за перо. Решил начать свой роман с риторического вопроса: что такое грандиозная стройка? Задумался. Мысли лезут одна на другую: улицу, где я сейчас живу, конечно, переименуют – будет называться улицей имени меня. Зазвучит, а?! Из квартиры дом-музей сделают, факт. Интересно, Нобелевская премия большая или нет? Но тут я, согретаемый и вдохновленный манящей премией, начал усиленно писать. Перо сочувственно поскрипывало, но помочь мне ничем не могло. Я исписал пол-листа убористым подчерком. На этом, к сожалению, мои познания жизни исчерпались, а фантазия начала принимать такие воздушно-гигантские размеры, что я, испугавшись, бросился прочь от стола.

Крепкий кофе немного утешил меня.

- Ладно, это будет повесть, - решил я, - в конце концов, и повесть может стать подлинным шедевром...

Вскоре кофе кончился, и я перешёл на чай с лимоном. А повесть решил сократить до рассказа. Дальше сокращать было некуда. Потом пил пустой кипяток и с наслаждением рвал на клочки своё произведение, горько сетуя на неудавшуюся жизнь. И, наконец, окончательно разбитый, кое-как добрался до кушетки и заснул.

... Сейчас сижу за учебниками. Готовлюсь к вступительным экзаменам. Думаю в технический поступать, строителем решил стать. Настоящим. Чтобы потом – куда-нибудь на Крайний Север.

И нет-нет, что вы, не надо улицу переименовывать и из квартиры дом-музей делать... Да и премии Нобелевской не надо... Обойдусь как-нибудь.

Девчонки

Венька был невысоким щуплым пареньком-восьмиклассником со сливовыми быстрыми глазами и черной всклокоченной шевелюрой, наверное, никогда не знавшей расчески.

Обычно мальчишки в его возрасте уже вовсю задумываются о трепетно-волнующем чувстве, которое в книжках называют первой любовью, и подолгу простаивают у зеркала, изучая каждую черточку своей внешности. Венька же был не таким: или он ещё не дорос до этого, или просто махнул на себя рукой, решив, что привлечь своей физиономией соседку по парте – нечего даже и стараться. Худой, большеротый и постоянно взъерошенный, он походил на смешного воробья. Недаром девчонки из его класса при встрече всегда прыскали в ладошки и отворачивались в сторону.

Впрочем, Веньке до девчонок совсем не было дела. Он относился к ним со снисходительным презрением, совсем не понимая, почему его друзья вздыхают, поглядывая на уроках на этих шумных трещоток. Веньке казалось, что от них редко можно услышать что-нибудь дельное. И уж совсем отказывался он понимать одноклассников, когда те робели и краснели перед девчонками. В такие моменты он просто переставал уважать ребят.

... Вот и сегодня, увидев, как на заснеженной площади у памятника Пушкину топтался высокий модный парень, Венька вначале глянул на него с завистью: слишком уж красивой была у него серая с молнией куртка. Но, подойдя ближе, Венька даже присвистнул от разочарования: «девчонку ждет!» - Это он понял сразу, слишком уж много ожидания было на лице у высокого.

Сам Венька шел в соседний двор на хоккейную площадку, поэтому у него на клюшке за плечом болтались связанные вместе ботинки с коньками. Хоккей он любил, пожалуй, больше всего на свете. Но сейчас он остановился, забыв на время про хоккей. До того ему стало интересно: гранитный поэт, склонив голову в цилиндре, смотрел, как у его ног, переминаясь с ноги на ногу, ожидал кого-то парень лет двадцати, одетый в куртку, меховую шапку и черные «лакировки» на ногах.

Венька знал, что каменному поэту не холодно, ему, Веньке, обутому в валенки, - тоже. А вот тому, у памятника, наверное, уже невтерпёж. Он подошёл ближе и участливо посмотрел на парня: надо же, из-за какой-то девчонки так страдать...

- Чего тебе? – рассердился высокий.

Веньке вдруг стало весело: «Я помню чудное мгновенье. Передо мной явилась ты...» - начал он.

- Я вот дам тебе сейчас по шее, все мгновения забудешь, - парень сдвинул перчатку, торопливо глянул на часы, отвернулся и зашагал вокруг памятника.

Венька пожал плечами, хмыкнул вслед удаляющейся фигуре и отправился дальше по своим делам.

... Медленно угасает в городе короткий зимний день. Не успевают ещё спуститься сумерки долгого вечера, как чья-то невидимая рука включает высокие продолговатые головы неоновых фонарей. Как будто незримый волшебник дунул вдоль широких каменных улиц и раздул враз тонкие бледно-молочные свечи...

Венька играл в хоккей долго. Четыре прожектора с четырех углов ярко высвечивали коробку, где по льду, исчерченному замысловатыми крючками и петлями, стремительно и азартно носились пацаны. Кусок черного резинового шланга, заменявший игрокам шайбу, отчаянно метался по льду под ударами безжалостных клюшек. Игра часто прерывалась, и соперники начинали спорить до хрипоты, совсем как в большом хоккее. Иногда спор был таким жарким и заходил так далеко, что на лед летели клюшки и варезки. Потом взъерошенные мальчишки, насупившись, расходились в разные стороны и игра продолжалась.

Вспотевший, постоянно поправляя выбивающиеся из-под шапки мокрые волосы, шмыгая носом, Венька возвращался домой. Было уже довольно поздно, но он не боялся идти один. Улица людная, да и дом совсем недалеко, только перейти через площадь.

Площадь вечером была ещё лучше. Цепочка фонарей охватывала её со всех сторон, делая маленькой и уютной. Пушистый снег серебрился и розовел, отражая неоновые лучи, заставлял прохожих щуриться от яркого света. Гранитный поэт тоже как бы прикрыл глаза. Венька замечал почти каждый вечер, что поэт щурится от света. Но сейчас

поэт был не один: Венька увидел, как тот высокий, которого он встретил ещё днем, стоял, прислонившись к серому граниту, и вяло тер руки, чуть шевеля ими.

- Ты чего? Замерз? – жалостливо спросил он высокого.

Парень не ответил, только неопределенно кивнул головой.

- Ещё не пришла, да? – Венька попытался заглянуть парню в глаза, ему стало обидно за него на незнакомую и, наверное, очень вредную девчонку.

Парень попытался улыбнуться, но только поморщился: сведенные холодом губы совсем не слушались. Он с трудом переступил с ноги на ногу и вновь улыбнулся – поморщился.

Венька вдруг испугался за высокого, глянул на его модные туфли и прошептал:

- Дурак ты, что ли? Иди домой, - высокий отрицательно качнул головой.

- Да, иди, иди..., - он потянул его за рукав. Парень, не сопротивляясь, шагнул за ним.

Они медленно брели по заснеженной площади. Молчали. Только венькины коньки, ударяясь друг об друга, весело позванивали у него за спиной. Так же звонко иногда смеются девчонки.

Ну, поехали!

- Ну, поехали!.. – попытался Кузьма Ипполитович перекричать застольный шум и поднял хрусталь.

Гости на мгновение затихли и он, срываясь на фальцет, крикнул еще раз:

- Ну, поехали! - и ахнул содержимое бокала в широкий омут своего желудка.

За ним «поехали» все остальные. Дальше всех «заехал» Гаврила Савельевич. Скоро он упал лицом в салат, подняв при этом целый фонтан разноцветных брызг.

На что Гаврила Савельевич отрешенно усмехнулся, но Зинаида Николаевна, платье которой оказалось безнадежно испорченным, не приняла шутки. Она попыталась снять с шутника скальп, но ее отговорили, мотивируя тем, что волос у обидчика все равно нет. Скоро Гаврилу Савельевича куда-то унесли.

На другом конце стола Афанасий Львович настойчиво убеждал соседей, что он – обыкновенная муха. Все весело от него отмахивались. Тогда Афанасий Львович зажужжал и продолжал жужжать до тех пор, пока Людочка не заявила категорически, что принесет мухобойку и убьет Афанасия Львовича. Тот побледнел и слезливо начал доказывать, что он чертовски хочет жить.

В углу комнаты дядя Гоша, склонившись над распростертым навзничь телом Ивана Ивановича, выяснял степень уважения последнего к себе. А так как руки дяди Гоши убедительно сжимали горло лежащего, тот только слегка хрипел, да таращил глаза. Дядю Гошу молчание обижало, и он готов был плакать от показной бессердечности Ивана Ивановича.

Трезвее всех в компании был брюнет среднего телосложения. Он легко встал из-за стола и заявил, что должен повеситься на кухне. Кузьма Ипполитович, пользуясь правами хозяина квартиры, энергично запротестовал. Тогда брюнет швырнул в Кузьму Ипполитовича бутылку из-под шампанского. Но рука его дрогнула и бутылка ударилась о стену. Стена упала и все пошли в гости к соседям.

Остались только брюнет да хозяин квартиры, чтобы выяснить отношения до конца. Кузьма Ипполитович без лишних слов хорошо поставленным ударом уложил брюнета на пол и принялся каблуком ботинка старательно сбивать все выступы на его лице. Это ему плохо удавалось, и он злился.

Веселье прервал появившийся откуда-то страж порядка. Он отобрал у дяди Гоши Ивана Ивановича. И попросил всех пройти. Прошли не все. Прошли только Кузьма Ипполитович, Людочка и насупленный брюнет, остальных пришлось проносить в дверь черного автофургона. Дверь захлопнулась и из кабины послышался бодрый голос:

- Ну, поехали!

Стёклышки

Мы с Танькой сидим на пляже возле самой воды. Пляж – это, пожалуй, громко сказано для узкой полосы речной гальки, попеременно с бумажным сором, оставшимся с прошлого года, и даже кое-где с битым стеклом.

С одной стороны пляж ограничивает река, а с другой – серые уступы плит, которыми выложен отвесный берег городской набережной.

Погода только установилась, и горожане, побелевшие за зиму, спешат поскрее загореть, безжалостно отдавая свои тела горячим солнечным лучам.

Танька сидит на покрывале, лениво поглядывая в мою сторону, «обольщает», как говорит она сама. А я с берега бросаю в воду небольшие плоские «голыши», которые долго подпрыгивают, ударяясь о речную гладь.

Вокруг, вдоль всего берега разбросаны цветные квадраты материи и яркие купальники загорающих. «Толпа», - бормочет Танька и строго-настрого запрещает мне смотреть в сторону двух девушек, которые лежат совсем рядом и с любопытством наблюдают за моим занятием. Я, конечно, вовсе не против обмена взглядами с этой парочкой. Но с Танькой не хочется ссориться из-за такой «ерунды». И я скромно и покорно перевожу взгляд на её гибкую стройную фигуру. Танька успокоенно жмурится, переворачивается на спину, прячет лицо от солнечных лучей под развернутую газету. И довольная моим абсолютным вниманием, отдаётся дремоте. Я ложусь рядом с ней на спину и тоже начинаю дремать.

Солнце так разморило, что даже мысли становятся тягучими, как мёд. Лёгкий прохладный ветерок чуть шевелит волнистые каштановые танькины волосы. Именно её волосы я и заметил, когда в первый раз увидел её в горсаду на танцплощадке. После объявленного «дамского» танго она подошла, взяла меня за руку и без лишних слов повела в середину медленно топчущихся пар. Тогда я запомнил только волнистые локоны её волос, серебрящиеся в бледном свете электрических огней.

Знакомство развивалось, пожалуй, слишком стремительно. «Молодость – это скорость», - любит повторять она. Дня через три я

уже наперечёт знал всех её поклонников и, что самое интересное, у каждого из них непременно Танька находит что-нибудь отрицательное. «Изъян», - говорит она. – «В тебе он тоже есть, будь уверен», - успокаивает она меня. Недели три в наших отношениях сквозит неопределённость. Но вчера в кафе она поставила все точки над і. «Не понимаю, старик, как это я тебя терплю так долго, - лукаво улыбаясь, сказала она. – Мне по сердцу твои наивные детские глаза, но ты – фантазёр, поэтому нам придётся когда-то расстаться».

Кажется, я напустил на себя грустный вид и молча смаковал какой-то коктейль. Наконец-то и во мне найден изъян...

От этих мыслей меня отвлекает звук шагов по гальке и упавшая на наш лежак тень.

- Люба, мы здесь будем? – громко спрашивает за моей спиной детский голос.

- Да, здесь, - раздраженно отвечает другой взрослый, - и ради Бога, не кричи об этом на весь берег.

Я осторожно поворачиваюсь на бок, так, чтобы можно было видеть говорящих. Малюсенькая девчонка-толстушка лет четырёх деловито собирает в руку маленькие разноцветные осколки бутылочного стекла, сосредоточенно сопит. Она поглощена своим занятием, что не замечает моего любопытного взгляда. Зато увлечённо разговаривает сама с собой, правда, слов разобрать нельзя. На ней – цветные трусики и огромный во всю голову белый бант. Наконец она замечает, что я наблюдаю за ней, и прячет за спину руку со стёклышками, тревожно и сердито дует губы.

Я принимаю равнодушный вид и отворачиваюсь к реке. Краем глаза вижу, как толстушка бежит к черноволосой смуглой девушке в тёмных очках, которая лежит на мягком поролоновом лежаке и читает книгу.

- Люба, смотри! – не выговаривая звук «р» кричит толстушка. Она опускается перед старшей на корточки и разжимает свой пухлый кулачок. Солнце ласково играет осколками стекла, и в руке у девчонки загораются и гаснут переливаясь крохотные звёздочки-зайчики.

- Ну и что? – равнодушно глянув ей в руку, отвечает смуглая. – Отстань,- и снова утыкается в свою книгу. Маленькая обиженно усаживается рядом и начинает перебирать своё «богатство», что-то снова тихо бормоча.

Я слышу только как она повторяет слово «стёклышки». Но звук «ш», наверное, ещё труднее в произношении и у неё получается «стёклыски».

- Ты чего заглядела? Смори у меня, - слышу танькин голос. – Стройная креолка цвета шоколада, - насмешливо поёт она, - да?

- Нет, - я пытаюсь оправдаться, - там есть ещё одна поменьше.

- Тебе нравятся молоденькие девушки? – Танька приподнимается и театрально произносит: «Ах, где мои семнадцать лет?..»

- Не смешно! – парирую я.

Обычно в таких случаях Танька не остаётся в долгу, но в этот раз её прерывает весёлый смех нашей маленькой соседки. Она поднесла один осколок стекла к глазам и рассматривает сквозь него окружающих, реку, высокое голубое небо и лохматые облака на нём.

- Люба, Люба, смотли! – радостно «нажимая» на «л», кричит она, - всё розовое! Смотли!..

Та, которую зовут Любой, поворачивает к ней своё , на нём капризная гримаса досады:

- Как ты мне надоела, Таня, - это звучит не только в её словах, а в каждой чёрточке её лица . - Розовое стекло, понимаешь? А все кругом обыкновенное. И вообще, ты можешь помолчать!?! – Она считает свою педагогическую роль выполненной и отворачивается к книге.

Возле нас устанавливается относительная тишина, доносятся только звуки города, да где-то магнитофон воспроизводит конвульсивные звуки поп-музыки.

... Время уже давно перешагнуло на вторую половину дня. И цепочка отдыхающих тянется по направлению в город. Многие из них явно «перележали» на солнце и с неделю будут теперь мучиться от этого.

Я лениво провожаю взглядом их раскрасневшиеся фигуры. Рядом дремлет Танька.

- Господи, да выбрось ты их и обувайся нормально, - раздаётся голос нашей смуглой соседки.

Они тоже собрались уходить и большая стоит с сумкой, уже готовая идти, нетерпеливо ждёт маленькую. А та, крепко зажав в кулачке цветные стекляшки, пытается свободной рукой завязать шнурок на

крохотном башмачке. У неё это не получается. Однако кулачка со стекляшками она не разжимает. Изловчившись, она одолевает непокорный шнурок. Я вижу, как из руки у неё выпал один осколок, но она этого не заметила.

Вскоре они уходят: большая, высоко держа голову, идёт ровной уверенной походкой, а маленькая пытается одновременно пересчитать свои стекляшки и не отстать от большой. Скоро звук их шагов по гальке стихает.

- Засмотрелся, - одёргивает меня Танька. Я, не обращая на это внимания, встаю и иду к тому месту, где лежит забытая стекляшка. На серой речной гальке она поблескивает розовой каплей. Я поднимаю его и подношу к глазам: вижу розовую реку, розовое небо, розовый пляж. Даже Танька тоже стала розовой.

- Тань, а всё вокруг, точно, розовое, - смеюсь я. – Не веришь, на, посмотри...

- Да, ну тебя, - отмахивается Танька, - в детство ударился. - Мир сер, мой друг, - наставительным тоном произносит она. – И не пытайтесь уйти от этого.

Мне становится скучно от танькиного вида и тона.

- Слушай, давай уйдём, - зову я её и, одеваясь, незаметно кладу стёклышко в карман своих брюк.

Двое

1.

Домой Ирина приехала всего на день.

Она уже четвертый год приезжала вот так: урывками, на воскресенье. Город, в котором она теперь жила, цепко держал ее: держала учеба, подруги, которых было немало, разные знакомства, привычки. Деревню Ирина почти забыла и, приезжая сюда, каждый раз с тревогой отмечала, что к месту детства ее тянет все меньше, что эти поездки становятся в тягость.

И все-таки ехала, потому что знала, что один человек ждет ее так, как не ждал никто никогда – ее сын; что едва научившись говорить, еще неуверенно лепеча, одолевает он бабуку одним единственным вопросом: «Когда приедет мама?..»

Невысоко над деревней стояло утреннее солнце. Июльская трава, не успев пропылиться блестела свежими алмазинами ночной росы. Было еще довольно рано. Собаки, набредав за ночь, притихли, петушинный час тоже уже прошел, и деревня с единственной улицей, полого скатывающейся к реке, казалась вымершей.

И от этой тишины, уютного деревенского покоя не хотелось никуда торопиться. Ирина медленно шла вдоль огороженных плетнями и заборами дворов, думала о сыне и родителях. Но чем ближе подходила к дому, тем радостнее и тревожнее колотилось сердце, тело почти ощутимо наполнялось легкостью и хотелось припустить припустить вприпрыжку.

2.

Калитка дружелюбно скрипнула, и Ирина осторожно ступила во двор, неширокий, поросший курчавой желто-зеленой ромашкой. Здесь было так тихо и пусто, будто весь двор с банькой, лениво ткнувшейся в бок дощатому сараю, и домом, окна которого наглухо задернуты ситцевыми занавесками, еще спал крепким утренним сном. И только над самой трубой едва струилась расплывчатая, прозрачная ниточка дыма.

Ирине вдруг показалось, что она стоит в середине яркой объемной картины, и все предметы вокруг нее не настоящие - нарисованные

искусной рукой. Это ощущение стало таким сильным, что Ирине захотелось увидеть кого-нибудь, крикнуть, чтобы эта картина ожила, задвигалась.

Она торопливо направилась к дому, но не успела сделать и нескольких шагов: с высокого крыльца вихрем скатился маленький комок, кинулся ей под ноги, и крик – серебрянный колокольчик – звонко разорвал тишину:

- Мама!

Ирина подхватила Игорька на руки, закружилась с ним. А на крыльцо уже выходил отец, высокий, седой, крепкий. Мать робко выглядывала из-за его спины. Оба улыбались.

- Здравствуй, дочка, - загудел отец, - давненько не жаловала. – Он грузно спустился с крыльца, хотел обняться, поцеловаться с дочерью, но мать опередила его. Маленькая, проворная, она поскочила к Ирине, чмокнула ее в щеку. Ирина смущенно опустила глаза, ей было неловко от родительских ласк. Мать, все понимая, отталкивала мужа:

- Не лезь... не лезь... Человек с дороги устал. Нацелуетесь еще!

- Заходи, дочка, заходи, - спохватившись, в один голос заговорили они. Мать вскочила обратно на крыльцо, юркнула в дверь и там загремела посудой, запела тонким голоском: «Взавтракать... Взавтракать...».

3.

Умывшись колодезной ледяной водой, утренние, свежие, влюбленные друг в друга мать и сын вошли в дом. Игорь был копия матери, маленькое отражение статной, высокой, по-молодому крепкой женщины: такой же черноголовый, с розово смуглой кожей, с выразительными ямочками на щеках, и пухлые детские губы были по-маминому дерзки. Ирина опустилась перед ним на колени, ткнулась лицом в его плечо. От ситцевой рубашонки сына пахло далеким запахом ее детства, от которого она уехала несколько лет назад: запахом молока, скошенной травы, табака, листья которого отец всегда держал на запечке.

Косые лучи солнца били в глянец пола, переламываясь, плавали на стенах и потолке комнаты. Игорь вдруг тяжело, не по-детски вздохнул, Ирина подняла голову: брови сына серьезно сдвинуты, он

вопросительно смотрел на нее. Ирина улыбнулась, обдряя его. Он потупился и, наконец, не выдержал:

- Мам, ты опять уедешь? – и погрузнели карие глаза.

Сжалось сердце Ирины от сладко-острой боли, и нежности, и любви. Она выпрямилась, подхватила Игорька на руки. «Чудо ты мое, - зашептала ему в ухо. – Надо, Игорюша, надо...твоя мама немного поучится и потом приедет насовсем».

- Мам, я снова один останусь? - и губы дрогнули, готовые заплакать.

- Что ты, Игорюш, а дед, а бабушка? – Ирина отворачивала от сына лицо, чтобы он не увидел, как подернулись влагой ее глаза. А он тянулся к ней, гладил по щеке теплой ладошкой:

- Мам, а где наш папа?..

И звонкий голос испуганно смолк, будто на пол уронили звонкий колокольчик. Ирина обмерла, медленно разжала руки, и тело сына скользнуло по ее телу на пол.

- Ты беги, Игорюша, погуляй, - громко прошептала она и улыбнулась ему жалкой, извиняющейся улыбкой. Понуро направился Игорь в угол, что-то выхватил из груды игрушек, кинулся со всех ног к выходу. Но на пороге остановился, крикнул задиристо, вызывающе: «А где мой папа?» - и выбежал из комнаты. Ирина охнула, опустилась тяжело на стул и замычала-запела что-то тоскливое, пытаясь заглушить занывшее сердце. В двери показалось испуганное лицо матери. Она виновато глянула на Ирину, позвала неуверенно: «Взавтракать».

4.

Отец ел неторопливо, степенно, разложив локти по столу, ржаную корку под ложку подкладывал. Усов не мочил, раздвигал их, оскаливая зубы, и осторожно выливал содержимое в рот. Мать суетилась, подавая всякую снедь, исподтишка поглядывала на дочь, подкладывая ей лакомые кусочки; ела торопливо, уравками, хлеб мочила в тарелке, жевала его редкими маленькими зубами. Внук рядом с бабкой сидел, болтал ногами, не ел как следует, а все смотрел на мать. Ложку в руках ветел, облизывал сложенным в трубочку языком и опять лез ею в тарелку.

Ирина хмурила брови, будто строжилась, что он плохо ест, вскидывала глаза на мать: так ли я делаю? Та кивала ей в ответ,

одобрительно ерзала на стуле, и обе вдруг встречали отцов взгляд, резкий, осаживающий, от которого неуютно становилось за столом.

Ирина знала эту особенность отцовского характера: молчит о чем-то своем, наболевшем, и лишь сердито зыркает на всех. Ели молча, только ложки постукивали, да Игорь шмыгал носом.

- Погоди-ка, дочка, - сказал наконец-то отец, - хотим мы с матерью тебя спросить, как там город поживает?

Ирина вся вспыхнула, понимая, что отцу не это надо узнать, ответила торопливо:

- Все так же, пап, я ведь уже много раз рассказывала...

- Погоди-ка, - оборвал отец. – Ты-то - как там? О знакомствах своих расскажи.

И опять больно кольнуло сердце, тоскливо зануло под ложечкой. «К чему ты, пап?» - растерянно спросила она, хотя уже поняла, куда клонит отец, но говорить об этом не хотела, потому что не о чем было говорить.

- Да вот мы с матерью все переживаем: как наша дочка дальше жить собирается... За него, опять же, - отец кивнул в сторону внука, который с интересом прислушивался к разговору, вертел головой – с матери на деда.

Бабка вскочила, задвигала тарелками, засуетилась, собирая их маленькой горкой, на деда рукой махнула: «Молчи уж, не ко времени».

- Сядь, мать! - Почти крикнул он, и она проворно шмыгнула на свое место, подперев голову дрожащей рукой, уныло уставилась на Ирину.

- Игорь, пойдика поиграй, - не глядя на внука, буркнул отец. Тот нехотя вылез из-за стола, так же нехотя в сени вышел, дверь за собой не закрыл, а бабка будто этого и ждала, заторопилась, затараторила:

- Сейчас-то вот лето, а на день Красной Армии он от соседей приходит с игрушкой самодельной. Мы говорит, бабуля, с Лёнькой подарки делали. Кому мне ее, бабуля, подарить? – мать виновато смотрела на Ирину, но голос ее звучал упрямо, словно она готова извиниться за свои слова, но не сказать их не может.

- Я аж охнула: ведь дитя-то малое, а все понимает!.. Виду хотя не подаю. Как – кому? А деду-то! Вот он мне и отвечает: дед же, бабуля, не папа... Ленька, мол, говорит, что это папин праздник. У меня слезы,

а сама ему: дед-то, когда молодой был, тоже был папой. Так что – папа он... А Игорюша на меня так недоверчиво глянул, да с игрушкой-то к деду: на-ко, мол. С праздником...

Она опять вскочила, забежала по кухне, гремя посудой.

- Ну что, дочь? Что делать будем? – угрюмо забубнил отец. – До каких пор я внуку заместо отца буду? Чего молчишь? Отвечай родителям!

Ирину оглушили эти рассказы и распросы, она внимательно разглядывала крышку гладко выскобленного стола, где маленькая щербинка с потемневшими неровными краями стала сейчас такой значительной, что от нее невозможно оторвать глаза. А мысли, путаясь и обрываясь, нагромождались одна на другую: «Зачем весь этот разговор?» - думала она, но перечить родителям не хотелось.

Однако она посмотрела на отца твердо, была уверена в своей правоте:

- Раз Игорь все понимает, он должен понять, что нас только двое! Зачем нам еще кто-то?!

И застонал, замотал головой отец, хватил кулаком по столу так, что в углу слабо звякнула посуда, испуганно сгорбилась в том углу мать, отпрянула от стола Ирина. А отец, распаяясь, загремел на весь дом:

- Да как ты смеешь! Ему отец нужен, а ты!.. Так твою перетак!!! – ругнулся бесстыдно, зло, сплюнул на пол и... сразу примолк, притих, растерянно повернулся к сеньям: из дверей внук, насупившись, исподлобья смотрел на деда – плечи приподняты, руки в кулаки.

Игорь воиственно двинулся к деду, потом остановился, словно припоминая что-то, и бросился к матери, обняв, целовать начал:

- Мама, мама, нам стобой никого больше не надо...

Ирина крепко стиснула его, в плечо ему уткнулась:

_ Ты, Игорюша, у меня молодец... Только вот подслушивать нехорошо, - сказала ему дрогнувшим голосом.

- А я, мам, не подслушивал, - в глазах Игоря запрыгали две маленькие хитринки, - я в сеньях стоял, а вы громко разговаривали, - он зажмурился и засмеялся.

Ирина посадила его к себе на колени:

- Айда в рощу, Игорюш, хочешь?

Он влюбленно кивнул ей.

- Никого нам с тобой не надо, правда?! – Сын снова кивнул. Ирина торжествующе глянула в хмурое лицо отца, повернулась к матери, но встретив ее тоскливый взгляд, улыбнулась хорошо, безо всякого вызова.

5.

Солнце стояло высоко, на самой макушке неба. Раскаленная дорожная пыль от удовольствия лениво пыхала под ногами, клубясь едва-едва.

Роща была близко, на самом берегу реки. За последними домами до первых берез тянулась лужайка высокой травы, пестро усеянная полевыми цветами. После жарчей дорожной пыли трава приятно холодила ноги. Ирина сняла с Игоря рубашку и сандалии. Он боязливо ступил голый ногой на траву – раз, другой, а потом, раскинув руки в стороны, закружился вокруг Ирины. Ирина смотрела на сына, улыбалась ему и солнцу, бело-пятнистым стволам деревьев, лениво свесившим ветви.

Игорь с размаху ткнулся ей в живот:

- Мама, у меня авария! – закричал он на всю лужайку. – Мама, я тебя поборол, падай!

Они упали на землю, барахтались, хохотали. Игорь сидел сверху, покрикивал:

- Мам, сдаешься, ну, сдаешься!?

Ирина вяло сопротивлялась, не в силах унять расслабляющий тело смех. Игорь наклонился к ней, хитро улыбаясь, заглянул в лицо и, пряча глаза, спросил:

- Мам, а ты где меня взяла?

Ирина вздрогнула от неожиданности, потянула его к себе, положила рядом на траву, они затихли и долго лежали так, ровно дыша, будто заснули. Ирина слышала, как где-то в глубине ее сына тукает сердце. И от этого туканья на душе у нее становилось хорошо и спокойно.

Она глубоко вздохнула, как вздыхает пробудившийся ото сна человек, подняла голову. Низко над самой травой едва заметно струился вверх теплый воздух. И казалось, что лужайка медленно и тихо плывет куда-то. Недалеко в роще гомонливо звенели птичьи голоса. Ирина

увидела как на цветок тысячелистника упал мохнатый шмель, шарахнулся в сторону, качнув тонкий жилистый стабель, сердито гудя, покружился над ним и маленькой точкой долго буравил небесную голубизну, пока не исчез совсем.

- Игорюш, позвала она, - ты у меня от солнышка, от неба и от птиц...
Слышишь, Игорюш?

Тот поднял на нее глаза, серьезно сдвинул брови:

- Нам, мама, никого не надо больше. Нам и без папы хорошо, ага?..

Они еще долго лежали посреди полевых цветов на прохладной траве, жмурились от яркого света, молчали – каждый о своем. Игорь улыбался своим мыслям. А Ирине вспомнился такой же летний полдень шесть лет назад... И словно стряхивая с себя эти воспоминания, она приподнялась над сыном и прошептала:

- Ты у меня от солнышка и от птиц, и нам никого больше не надо.

Проплешина

Все началось с того, что утром я проснулся, почувствовав на себе странный изучающий взгляд жены Шуры. Я открыл глаза и увидел, как она, привстав на постели, внимательно рассматривает мою всклокоченную прическу.

- Что случилось? – тревожно спросил я у жены.

- Ой, Витик, да ты же лысеешь! Ага, у тебя на самой макушке пятнышко малюсенькое.

Я даже с постели подскочил и так, не одеваясь, босиком прошел к большому трехстворчатому зеркалу. Оттуда на меня глянул здоровенный верзила в майке, прикрывающей волосатую грудь, и в трусах. На секунду залюбовался своим телом. Но из этого состояния меня вывел голос жены из спальни: «Ну, как, Витик, лысеешь?» И я занялся изучением своего затылка.

Надо заметить, что это довольно сложное занятие, и результата можно достигнуть, только создав целую систему из зеркал. Но мне-таки удалось поймать в фокусе карманного зеркальца, которое я держал в руках, отражение своего затылка в большом зеркале. Битых полчаса я рассматривал его, извиваясь и изгибаясь, но кроме густой кучерявой шевелюры так ничего и не обнаружил.

- Ну как же ты не видишь, - возмутилась жена, когда я доложил ей о бесплодности своих попыток. – Вот, смотри, - и она встав на цыпочки, выдернула у меня на голове несколько волосков и протянули их мне. При этом от боли на моих глазах выступили слезы.

- Видишь, лезут...

Я зажал их в руку и целое утро ходил по квартире грустный и потерянный, вспоминая дни теперь уже безвозвратно ушедшей юности, молодые лица своих друзей, окаймленные густыми прическами.

От этих грустных мыслей меня отвлек звонок в дверь. Моя теща Алевтина Ивановна была женщиной грузной и педантичной, может, потому навещала нас каждое воскресенье. Шура, не дав нам даже толком поздороваться, ввела ее в курс дела: «Мам, наш Витик лысееет прямо на глазах, его волосы так и лезут...»

- Да ну, - удивленно загремела басом Алевтина Ивановна, - ну-ка, поди сюда! Она долго рассматривала мою голову, а потом молниеносным движением рванула пук волос из самой макушки. Я застонал от боли, слезы полились ручьем.

- Точно, лезут, - мрачно констатировала теща. – вот она современная жизнь. Химия тебя сгубила, она и в гроб введет – не заметишь. – Она говорила все это с таким видом, будто я сегодня же должен был умереть.

Мы молча пообедали, безо всякого аппетита. После обеда к жене пришла подруга Сима.

- Здравствуйте, - затараторила прямо с порога, - сейчас в магазине увидела,.. – начала было она, но увидев наши расстроенные лица, умолкла, спросила, что случилось?

- Витик лысеет, - печально сообщила жена.

- Да, - глаза Симы так расширились, что нельзя было понять, чего в них больше – сожаления или восхищения. И она снова затараторила:

- Я знаю, это от переживаний. Я читала в одном журнале. Ведь ты же так много пережил, да, Витик!

Я, вспомнив сегодняшнее утро, тихо согласился с ней. Потом они с женой усадили меня на табурет посреди комнаты и принялись внимательно исследовать мою голову. При этом охали и приговаривали: «Надо же, не успеешь расцвести, и нате вам, уже лысеешь!»

Под занавес жена предложила ей дернуть волосы из моей макушки. И Сима дернула от всей души. Потом кокетливо уложила вырванную прядь в свою сумочку и исчезла, пообещав, что покажет ее знакомому невропатологу.

К нам еще кто-то приходил, жена сообщала о постигшем нашу семью несчастье. Меня рассматривали, испытывали крепость моих волос на «лезет- не лезет», вздыхали и уходили. За это воскресенье я так устал, будто отработал две смены подряд.

Когда на город спустились сумерки, я стоял у окна, глядел на загорающиеся окна соседних домов и думал о первом дне своей безвременно подошедшей зрелости. На душе было муторно и тоскливо. Шура сидела в кресле рядом и тоже переживала за меня.

Так бы, наверное, и закончился этот злополучный день, если бы вновь не позвонили в нашу дверь. На пороге появился сосед Кузьмич, с которым мы иногда играли в шахматы, Он считал себя человеком от медицины и частенько вставлял в разговоре фразу: «Вот мы, медики...». Хотя работал простым ветеринаром на какой-то ферме.

- Отчего грустить изволим? – спросил он, доставая из-под мышки коробку шахмат. – Может, сгоняем партейку, а?

Жена буквально пронзила его гневным взглядом, от которого Кузьмич аж сгорбился:

- У нас горе, как вы можете!?

- А что, собственно, произошло? - засуетился Кузьмич.

Жена, видя его участливое отношение, поведала о постигшем меня несчастье.

- А ну, покаж голову, - подскочил ко мне Кузьмич, ловко рывком пригнул мою голову, выказывая профессиональные привычки обращения с животными. Он внимательно оглядел злополучное место, прошептал: «Лишай» и стремительно исчез из квартиры. Я видел, как побледнела Шура, как расширились зрачки ее глаз. Сам я выглядел в этот момент, наверное, не лучше.

Не помню, сколько времени продолжалась эта немая сцена. Молчание нарушил Кузьмич. Он был в сером халате, резиновых печатках. В одной руке он держал пинцет, в другой – клочок ваты с какой-то серой мазью.

Кузьмич торжественно подошел ко мне, взгромоздился на стоящий рядом стул и начал копаться в моей шевелюре. Затем резко повернулся к моей жене и коротко скомандовал: «Свет». Шура принесла настольную лампу и «операция» продолжилась. Я чувствовал, как Кузьмич методично и старательно выдергивает волоски из моей головы, как втирает в голову вонючую мазь.

Мы с женой затаили дыхание, казалось, этому не будет конца. Но движения Кузьмича стали вдруг медленными, вскоре он замер. Затем, облегченно вздохнул и изрек, будто сделал важное открытие:

- Нет, обыкновенная проплешина.

Я видел, как ноги у жены подкосились и она медленно опустилась в кресло. Да и у меня колени слегка подрагивали от перенесенного

перенапряжения. А Кузьмич, снимая перчатки, наставительно говорил: «Мы, медики, в таких случаях рекомендуем носить головной убор, особенно в плохую погоду».

Вскоре он ушел. Подталкиваемый нехорошим предчувствием, я подошел к зеркалу и вновь попытался с помощью системы зеркал обследовать свой затылок. На этот раз я сразу увидел на макушке беленькое пятнышко величиной с пятирублевую монету. Стало не по себе. Я долго тщетно чиркал спичкой, пробуя закурить. И, несмотря на поздний час, оделся и вышел на улицу, Жена даже не пыталась остановить меня. Она прекрасно понимала мое состояние.

Встреча

Погода в этот день выдалась хорошая для конца сентября. Утреннее нежаркое солнце, скоро справившееся с молочно-серой дымкой ночного тумана, слегка подогревало края покрытых ледком луж, с вмерзнувшими в него листьями.

Помню, еще с вечера договорился с ребятами: будет хорошая погода - отправимся в лес. Они заядлые грибники. Я же поехал с ними так, за компанию. Хотелось просто встряхнуться и отдохнуть от суетной городской жизни. А где это можно сделать лучше, чем в лесу? Стальные кони нашего мотоциклетного эскорта неслись вперед, оглушая все и вся вокруг ревом четырех моторов. Ехать по непыльной проселочной дороге весело и приятно, внутри что-то взалхлеб поет от стремительного мелькания деревьев, от упругого ветра, который бьет в лицо и раздувает на спине куртку, тонко свистит сквозь щели мотоциклетного шлема. Скорость и молодость так великолепно сочетались в душе, что я и не заметил, как начал петь громко, во все горло...

Лес встретил нас тишиной, не слышно было шороха ветвей и листьев, гомона птиц, совсем не потому, что они уже все улетели, просто мы распугали их своими мотоциклами. Теперь, когда моторы, дыша теплом, отдыхали, лес притих и смотрел настороженно: что за гости прибыли в его владения?

Когда я вхожу в лес, обязательно прислушиваюсь к его дыханию, Если тот шумит сердито, глухо, значит, не очень доволен непрошеным вторжением. Но вот где-то вдалеке крикнула птица, и сотни крон враз зашумели приветливо и величаво. Значит, добродушен был тысячедревый хозяин, вырядился для гостей в лучшие свои кафтаны. Спасибо, позаботилась о нем мастерица осень. Нисколько не скупясь, она разбросала вокруг яркие наряды: золотистые березы и осины, багряный клен, зеленый наряд кедров и сосен. Кроваво-красные ягоды калины, кажется, готовы вот-вот лопнуть от натуги. И если рассматривать каждую ягодку в отдельности, то она становится похожей на маленького толстячка, важно надутого и довольного собой. Придорожная трава пожухла, и, гордо покачиваясь, возвышаются над ней сухие головки цветов на задеревеневших стеблях. Желтые листья, медленно кружа, опускаются с деревьев, как

будто им надоело торчать наверху, и они решили взглянуть, что же делается внизу, под деревьями. Иногда налетал резкий ветерок, бесцеремонно подхватывал целую пригоршню осеннего золота, швырял под ноги древесным стволам. И совсем не чувствовалось во всем этом даже легкой грусти перед наступающей зимой.

Мы разбрелись далеко по лесу. Я ходил один, слушал, как загадочно шуршит желтый лист, загребал ногой целую охапку, ощущая ее легкость. Рвал узорные сети паутинок, развешенных на кустах в большом количестве, повергая в бегство свирепых пауков. Было легко и радостно от ощущения всей этой земной красоты...

На старика я наткнулся неожиданно. Он стоял на лесной тропинке, которая, изгибаясь, проходила по опушке. Стоял, чуть ссутулившись, внимательно глядел куда-то вверх стволов. И, казалось, к чему-то прислушивался. Вся его высокая, сухая фигура, облаченная в дождевик, стянутый шнурками на груди, совсем не выдавала его возраста, и только выбивающееся из-под ношенной кепки серебро волос, да широкое, склоненное на бок в морщинах лицо говорили, что он уже далеко не молод. Одной рукой он опирался на сухую березовую палку, на другой, полусогнутой у локтя, покоилась корзинка, накрытая белым куском материи.

- Здравствуйте, дедушка, - несмело приветствовал я его, застывшего неподвижно, как статуя.

Он глянул в мою сторону рассеянно, совсем не придавая значения увиденному; и мне показалось, что в уголках его глаз блестели слезы. Ничего не ответив, старик снова уставился в небо.

Это странно удивило меня. Бледно-голубая лазурь небес была чиста и пустынна, насколько ее охватывал взгляд с краю опушки. Не было даже обычной для этого времени года белой дымки. Но старик, кроме голубизны, да одинокого бледно-оранжевого диска солнца, еще что-то различал там в вышине. Приглядевшись к своему неожиданному встречному, я заметил, что он не столько смотрит, сколько прислушивается к чему-то.

Мне стало интересно, я тоже прислушался. Вначале доносился только шорох листвы и далекий птичий щебет. Но вскоре стал различим протяжный тонкий свист, как будто где-то далеко резко и быстро взмахивали прутиком по воздуху. Звук этот терялся, исчезал, вновь становился слышен, но вскоре замер, угаснув где-то в вышине.

Старик распрямился, казалось, он только теперь заметил меня, но это его нисколько не удивило и не смутило.

- Утки летят, - каким-то усталым голосом сказал он. Потом, крякнув, вытер глаза тыльной стороной ладони. – Тебе не понять, молодой ты. А я вот, может, не увижу их больше... М-да, - он по-детски шумно шмыгнув носом, тяжело зашагал по тропинке, опираясь при каждом шаге на палку.

Я долго смотрел туда, где скрылась за поворотом его высокая худая фигура, Что-то тоскливо ноющее в груди не давало покоя. «Ведь он не так стар, - думал я. А может, он чем-то болен?»

Хотелось догнать старика, остановить его, поговорить, успокоить. Но, резко оборвав в себе этот порыв, я повернулся и пошел в ту сторону, откуда уже раздавались голоса ребят и хлопки моторов.

Никогда больше я не встречал этого старика. Может быть, он и вправду не дождался весны, и та теплая осень была последней в его жизни...

А утки весной прилетели снова. И я опять слышал тонкий, почти неуловимый свист их крыльев.

Звездопад (Августовский ноктюрн)

Ночью обрыв встает неожиданной темной стеной, нависающей над широким омутом реки. Черная омутовая глубь дремлет тихо, словно грудь спящего великана, чуть волнуясь от прикосновения слабого ночного дыхания, река течет сонно, бесшумно, и лишь откуда-то издалека доносится глухой сдержанный рокот – ворчит зажатый берегами стремительный поток, бросается на камни-валуны, наваленные густо по речному дну.

Ровная гладь реки сейчас похожа на бездонное звездное небо, и, кажется, будто звезды дружной гурьбой кинулись в дивный хрусталь воды и, смеясь, будут плескаться там до утра.

Обрыв старый, заросший травой и кустарником. Наверху обрыва небольшая травянистая площадка, которая дальним концом упирается в плотную линию хвойного леса, замершего глухой призрачно-темной стеной.

На площадке, около самого обрыва, звонко натянута брезентовая палатка. Она закрыла от реки костер, поэтому его пламя не отражается внизу, в воде. Зато с реки палатка похожа на сказочный теремок, озаренный бело-багряным ореолом.

У огня двое. Он лежит на траве, раскинув ноги в огромных резиновых сапогах, она задумчиво обхватила согнутые колени и, подставив один бок теплу костра, сидит слегка раскачиваясь.

В этот предрассветный августовский час им вовсе не хочется спать, а только бы смотреть и смотреть в бездонно-звездную чашу небесного купола.

А там, на головокружительной высоте, идет интересная игра: голубоватые шарики звезд подмигивают бледным колеблющимся светом, будто шепчут: «Не спите... Подождите... Подождите...» И все вокруг совсем не спит, а наполнено робким ожиданием чего-то удивительного, невероятного.

И чем меньше времени остается до волшебной минуты, тем тише и тише становится вокруг. Когда до обещанного чуда остаются считанные мгновения, тишина такая нестерпимая, что слышно, как

молчит лес, молчит, глухо дыша далеким перекастом, река, кажется, замерло даже неугомонное пламя костра...

И вдруг! Будто не выдержав вечного висения на макушке вселенной, упала яркой вспышкой звезда, прочертив наискось темное небо. За ней кинулась в глубокий омут вторая. Третья, не желая отстать, тоже оставила след и погасла где-то над лесом, четвертая...

Звезды падают непрерывно, одна за другой, по две, по три, по несколько сразу, словно незримая рука накренила громадный ковш, выливая изумруд звездного потока, удивительная красота которого заорожила, завладела каждым деревом, каждой травинкой, каждой каплей воды. И только те двое, веря в добрые приметы, радостно смеясь, загадывают желания.

Нет, они не шепчут их про себя, они говорят вслух, они кричат их громко, весело, торжественно. Им сейчас нечего скрывать друг от друга. Они верят, что все желания сбудутся непременно, ведь недаром они не уснули под душным брезентом палатки.

А звезды падают, падают, падают. И каждая звезда – это желание, а в каждом желании – так хочется счастья, большого, настоящего.

... Наконец медленно слабеет звездный поток. Вот уже звезды скатываются по одной, и проходят долгие мгновения, прежде чем упадет следующая. Меньше и меньше ярких вспышек на небе... Но еще несколько минут все вокруг, охваченное гипнозом звездопада, продолжает молчать.

Потом, словно встряхнувшись, лес и река, даже обрыв, затаенно следившие за небом, вздохнули вдруг полно и широко. Прошелся по кустам и траве зябкий утренний ветер, взрябил речную гладь, причесал косматые склоны обрыва. Незаметно выглянувшее на востоке утро заалело светлой ниточкой горизонта.

Звезды бледнеют, гаснут. Лениво-нехотя отодвигается в распадок крутых берегов темнота августовской ночи. Упали на травы невидимые капельки холодной росы. Заискрятся они потом разноцветным радужьем в нежных лучах восходящего солнца, засветятся, словно маленькие земные звездочки.

Наступление

1.

Ночью Матвею стало плохо. Левую половину груди захватила острая нестерпимая боль, будто кто-то невидимый тонкими клещами сжимал грудь – там, где сердце, - потом отпускал слегка и снова сжимал, что есть силы, и тогда сердце словно и не билось, замирало, падало куда-то вниз.

От боли Матвей ослаб настолько, что заношенное стёганое одеяло казалось тяжёлым старческому худому телу. Он слабо шарил руками по одеялу и никак не мог сдвинуть с себя тяжести, которая так давила грудь, что он жадно хватал воздух и, казалось, никак не мог вдохнуть. Голова бессильно моталась по грязно-серой подушке, напивая её и всклокоченную седину волос липким потом, стекающим со лба и небритых щёк.

Сердце схватывало не в первый раз, но такой боли не было ещё никогда. Оно вдруг срывалось на мелкий лихорадочный стук, снова замирало. А боль впивалась ещё сильнее – тонким лезвием под рёбра, раздирая их, перехватывая дыхание...

Матвей метался в полубреду по доскам кровати, застеленным ветошью и древней шубой из овчины. От старой шубы пахло пылью и еще каким-то сложным запахом, который вытягивал из воспалённого сознания бессвязные обрывки давнего, совсем, казалось, забытого. То виделось ему, как он, молодой и сильный, сгребает вилами охапки прелых, сладковато пахнущих листьев, то выплывала откуда-то широкая поляна с яркими цветами среди берёз. Казалось, он слышит, как шелестит листва на деревьях. Но страшный грохот обрывал внезапно эти видения, возвращая сознание в грязную каморку, где металось в жару его тело.

2.

Сердце отпустило только к утру и, измученный приступом, Матвей проспал крепким сном почти до обеда. Сон был похож на обморочное забытье, без сновидений, без старческого ворочанья с боку на бок, и оборвался он так неожиданно, что Матвей долго лежал, удивлённо хлопая в потолок заспанными глазами, ошалело соображая над тем, что так внезапно разбудило его.

Он силился сообразить и никак не мог понять этого. Ему словно хотелось переступить через нечто невидимое, неосязаемое физически, но чувствуемое подсознательно. И от невозможности переступить через это «нечто» становилось не по себе.

Матвей скользнул взглядом по комнате: два окна – одно у кровати, стол возле второго, неубранная с вечера посуда, в ногах небольшая печь ещё тёплая. Он ощущал ступнями её слабое тепло. По всей комнате там и сям стариковский хлам – катаные валенки, мешки, ведра, у двери – метлы, кожаный фартук на гвозде. Всё это не могло разбудить Матвея. И от того, что не находилось видимой причины внезапного пробуждения, в душу закрадывалась смутная тревога.

В комнате стояла такая тишина, что Матвей невольно вздрогнул от едва слышимого звука в углу, где висел рукомоёйник: капля, сорвавшись со стерженька, шлепнула о дно таза. Тишина воцарилась снова, и Матвей сразу понял, что разбудила его именно тишина. Что обычно он, просыпаясь по утрам в своей комнате под лестницей, слышит, как хлопают дверями жильцы, как топают ногами по потолку. А где-то за стеной плачет ребёнок.

Так, значит, тишина... Матвей подивился своему открытию, но оно не успокоило его, тревога не исчезла. Будто что-то ещё ему хотелось понять или вспомнить.

Матвей откинул одеяло, начал подниматься, тяжело кряхтя, с трудом сгибая разбитое приступом тело. Сердце слегка ныло, но это была уходящая боль, которая говорила о том, что Матвей пережил ещё одно испытание.

«Теперь уж, верно, до следующего раза», - подумал он, присев на кровати. Нашарил ногами валенки, чёрные с серыми калошами, надел их и подошёл к окну. Он долго смотрел во двор, будто не веря своим глазам, и только теперь сообразил, наконец, почему так тревожно было на душе, и что за грохот слышал он сегодня ночью. Посреди двора, обставленного старыми тополями, стояла громадная железная машина, её изогнутая «рука» с ребристым ковшом вызывающе уставилась в небо, по которому уныло скользили рваные осенние облака. Мелкий дождь комариным звоном бил в стекло, стекая по нему кривыми разводами, но Матвею казалось, что на стальную громадину не попадает ни единой капли, так основательно она возвышалась среди тополей.

У него тоскливо засосало под ложечкой. «Вот и дождались», - крикнул он, и две дождинки торопливо скатились по лицу.

3.

Этот трёхэтажный каменный дом стоял здесь уже несколько десятков лет. Построили его давно, так давно, что уже забылось, кому понадобилось строить его вдалеке от городской суеты, да ещё фасадом на бесконечно длинный пустырь, растянувшийся на несколько километров между домом и городом. И уже несколько десятков лет и дом, и вымощенный булыжником двор чистил и подметал Матвей. Оба они – и дом, и человек – были стары. Но если однажды утром Матвей наткнулся на обвалившиеся куски штукатурки, он знал, что дом постарел ещё немного, а значит, постарел ещё и сам Матвей.

Так уж долго жил и работал он здесь, что дом был для него большим старым животным, которому Матвей был хозяином и которое его прекрасно понимает и требует ежедневного ухода. Они настолько сжились, что во дворе Матвей чувствовал себя так же уютно, как в своей дворницкой каморке под лестницей. Во дворе Матвей работал медленно, размеренно, будто наслаждался своим нехитрым, нудным, тяжёлым для его лет трудом. Он подолгу ходил по двору – большой в кожаном фартуке, который вечно торчал на нём колом. Подбирал руками сор, опавшие листья, потом по-хозяйски работал метлой.

Когда отдыхал, сидя на скамейке перед домом, любил смотреть на занавешенные изнутри окна квартир. В такие минуты они со страшной силой притягивали матвеев взгляд. Он будто заглядывал в большие умные глаза этого всё понимающего животного, и оно в такие минуты помогало ему видеть другого Матвея: молодого парня, с ладным из-под картуза чубом, в рубахе, расшитой матерью в зимние деревенские вечера, в тёмно-синем галифе, в чёрных блестящих сапогах. Матвей почему-то запомнил себя именно таким, хотя нарядился так всего лишь однажды, когда отец привез его в далекий, пугающий своей неизвестностью город; Матвей теперь уже забыл, что из-под заливчатского чуба на мир глядели испуганные глаза, а рука, нерешительная в каменной узости улиц, крепко держалась за карман отцовского пиджака. Матвей даже обрадовался, когда увидел, что дом, куда привезли его, стоял далеко от городской суеты, и здесь были привычная деревенская тишина и покой.

Отец ушел, оставив Матвея в каморке, куда указала высокая важная женщина, одетая по-городскому. Сейчас он почти не помнил ничего из той жизни, разве одно только: как он снимает перед отцом сапоги и галифе. «Сам заработаешь», - говорил отец, выкладывая перед ним штаны да что-то из обуви, знакомое чуть ли не с рождения.

4.

Матвей тяжело вздыхал, прогоняя воспоминания, и, все-таки, долго не мог оторвать взгляда от окон, чувствуя, что и дом, и он сам устали от долгой однообразной жизни.

Во дворе Матвей мог ковыряться хоть целый день, долго, со старческой рассудительностью примериваясь к каждой соринке, но с какой неприязнью убирал он свое каменное животное со стороны пустыря, поросшего лебедой и репейником, с холмиками мусорного хлама. Ничего больше на пустыре не росло. Даже тополя, которые, кажется, растут везде: они густо разрослись в сквере, в палисаднике, каждую весну Матвею приходится выдирать молодую поросль прямо из камней двора. Когда-то давно это обстоятельство очень удивляло Матвея, он пытался сажать их сам. Упрямо несколько весен подряд он старательно высаживал побеги, но не проходило и месяца-двух – молодые деревца сохли и умирали. Однако однажды весело и необъяснимо пошли в рост...

Матвей не любил чистить дом с той стороны, как-то неловко, бочком проделывал он небольшую дорожку возле самой стены и снова шел во двор. Ему казалось, что фасад он не любит за неуютность, за пустырь с его серостью и однообразием, за то, что там, далеко, виднелись крохотные домики городских окраин.

Когда-то, подернутые сероватой дымкой, они сливались в длинную узкую линию, полукольцом охватывавшую горизонт, и Матвей, приставив к глазам ладонь, силился рассмотреть город, но не мог, и лишь до слуха его долетал тихий рокот.

Так было давно, очень давно. И Матвей теперь уже почти не помнил, что когда-то в его душе жили покой и уверенность в том, что он – Матвей – необходим дому, чтобы скрести и чистить его, а дом необходим ему, чтобы еженощно принимать его под свою крышу, наполнять его жизнь нужностью и смыслом.

Зато в памяти до деталей четко отпечатался тот день, когда по обыкновению быстро вычистив фасад, он всмотрелся в далекий город и испуганно отпрянул, зажмурился. Потом всматривался снова и снова, но видение от этого не менялось, лишь становилось все более осязаемым. Город будто сделал шаг в сторону матвеевого дома. Всегда расплывчатая линия горизонта теперь стала ближе, распалась на отдельные здания, фундаменты новостроек с подъемными кранами, похожими отсюда на хрупкие спички. Звонкий рокот слышался оттуда. Дымка, окутавшая город, теперь раздвинулась, отступила, и город из серого стал светло-голубым.

Это случилось лет пятнадцать назад, год за годом приближался город к матвеевому дому, ширился, рос. В те короткие минуты, когда Матвей чистил фасад, он различал сначала машины-букашки, потом фигурки людей, копошащихся на строительстве, блеск новых окон. И маленький червячок страха, поселившийся в нём, ежедневно точил его, оттого и болело так сильно сердце. А в эту осень город подошёл к самому дому. Многоэтажный, огромный, он возвышался над старым домом, оглушал его шумом новостроек, звонками кранов, рычанием моторов.

5.

Матвей отошёл от окна. Одевался долго и суетливо. Завязки кожаного фартука так и не поддались корявым, негнущимся пальцам; махнув на них рукой, Матвей вышел во двор. Дождь перестал, и ветер просушивал листья, пересыпая их с одного конца двора на другой.

«Работы, - подумал Матвей, - много», прикидывая по привычке, сколько листа нападало и с какой стороны за него лучше приняться. И вдруг, увидев машину, тяжело усмехнулся: «Чего это я... Кажись, отработался...».

Матвей подошёл к машине, робко тронул рукой железо и долго стоял, прислушиваясь к тихому шороху листьев, заглушаемому звонкими голосами воскресного города.

На картошку

Дождь не перестает моросить со вчерашнего вечера. Он до того надоел, что злиться на слякоть уже невозможно: люди просто не обращают внимания на мелкую нудную сетку воды. Из-за дождя и без того мрачные контуры шахтовых построек и терриконов слегка размыты и выглядят ранним утром еще более унылыми, грязно-серыми.

Олег сонно смотрит на этот пейзаж из открытых дверей раскомандировки шахтового участка, на котором работает отец. С трудом Олег удерживает зевоту, но выступившие на глазах слезы выдают его хитрость.

- Говорила, надо раньше ложиться, ведь на картошку вставать рано, - слышит он голос матери и виновато улыбается. Она с другими женщинами сидит на перевернутых вверх дном ведрах под навесом возле небольшой каменной будки, на двери которой блеклая табличка «Вход воспрещен». И надпись для убедительности скреплена большим серым черепом. Олег смотрит на мать, на череп и улыбается.

Он уже смирился с мыслью, что на картошку ехать все-таки придется, даже несмотря на скверную погоду. И ему теперь все-равно, куда повезут и на чем, лишь бы поскорее все кончилось, и он доспал свои положенные несколько часов, которые прошедшей ночью отобрал хороший детектив.

Рядом то и дело раздаются дружный хохот отцовской бригады. Олег хорошо знает их всех, сидящих вокруг стола раскомандировки. Он вяло прислушивается к разговору, к то и дело проскальзывающим крепким словечкам.

- ...Ты, Петро, что ж плохо на картошку собирался? – это спрашивает Роман, высокий добродушный толстяк. Олег знает, что именно он считается специалистом по «соленным» фразам.

- А что такое? – Маленький крепкий Петро ждет явного подвоха.

- Так ведь погода, сам видишь, не подарок, - в голосе Романа сплошная невинность и участие.

- А у меня жена плащи взяла – себе и мне, - наивно отвечает Петро.

И тут же звучит давно заготовленная фраза:

- Так ты же на ноги цепи не надел, буксовать будешь!

А в ответ:

- Га-га-га! Ха-ха-ха!

Голос Петра перекрывает смех:

- Зато я с собой веревку взял, слышишь, Роман!

Хохот удивленно смолкает.

- Как только забуксую, я на тебя веревку – раз. Ты вон какой здоровый, вытянешь!

И снова: «Га-га-га! Ха-ха-ха!»

Олег оглядывается на смеющиеся лица: Петро довольно улыбается из своего угла, а Роман смущенно крутит головой.

Отца среди них нет. Олег знает, что он ушел куда-то «выбивать» машину и должен скоро вернуться «со щитом». Это так пожелал ему молодой хохол Фрезя.

Раскомандировка – это большая комната, на цементном полу которой стоит письменный стол со старым черным телефоном, стулья в несколько рядов. Давно не беленные стены увешаны непонятными Олегу графиками с длинными столбиками цифр и яркими когда-то, но уже поблекшими плакатами.

Телефон время от времени звонит: издает странные хриплые звуки. К нему подходит кто-нибудь из сидящих и объясняет, что «здесь никого нет, а Семен ушел за машиной».

Семеном зовут отца и Олегу в душе приятно, что с отцом здесь считаются и уважают, а его, Олега именуют немного иронически «Семенычем».

- Ты чего, Семеныч, кислый такой, - хлопает его сзади по плечу Роман.

- Айда под дождичек, проветримся.

- Не охота, дядя Роман, - мнетя Олег, улыбаясь, глядит на него снизу вверх.

- Да пойдем, чего там, - Роман легко выставляет Олега за дверь, и они выходят на небольшой заасфальтированный двор, заваленный металлоломом и кусками кабеля.

Дождь, кажется, унялся или уже действительно стал таким привычным, что его совсем не заметно. Олег шагает рядом с большим Романом широко, стараясь попасть с ним в ногу.

- Как учеба, Семеныч, - спрашивает Роман.

- Нормально, - жмет плечами Олег, - движется потихоньку.

- То-то, потихоньку, - улыбается Роман.

Внезапно до них доносится странный шум.

- Чего там? – Роман останавливается и смотрит в дальний угол двора.
– Опять Лёшка балует. Взяли на свою голову, - ворчит он сердито.

Олег видит, как лохматый парень в синей фуфайке ковыряет палкой в большой куче старых досок, наваленных как попало возле кирпичной стены. Оттуда доносится сердитое кошачье мяуканье и чей-то тонкий писк. Эти звуки на фоне гула работающей шахты звучат по меньшей мере странно.

Лохматый не замечает подошедших Романа и Олега, отбрасывает в сторону еще несколько досок и тянется руками в образовавшуюся щель, ласково приговаривая: «Иди, иди сюда, маленький».

Из щели, громко мяукая, выскакивает черная кошка, а за ней выбирается малюсенький черный с белым котенок. Олегу кажется, что его глупая мордочка чему-то улыбается. Парень ловко подхватывает его, подносит к глазам, ухмыляется... И вдруг размахнувшись, швыряет этот маленький комочек о кирпичную стену.

Воздух разрезает короткий пронзительный писк, глухой удар-шлепок, как будто в стену бросили крепким снежком. И – тишина, оторопелая испуганная, удивленная. А лохматый уже тянется за следующим, одной рукой стряхивая кошку, которая вцепилась в рукав его фуфайки. Снова широко размахивается, снова писк и шлепок...

Олег растерянно смотрит в побледневшее лицо Романа, тянет его за руку, громко шепчет дрожащими губами: «Зачем он, а?»

- Да ты что! – кричит Роман. – Да я тебя!!

Сзади раздается шум мотора, и во двор въезжает машина. Олег оглядывается, видит, как на ее высокие борта карабкаются люди, в кузов летят мешки, ведра, лопаты.

- Ладно, идем, - тянет за рукав Роман, - ну его... Роман бежит к машине и ловко перемахивает через борт. За ним, боком обходя Олега, бежит и лохматый.

- Олег, скорее, - сердито кричит из кузова отец, - заснул что ли?

Олег медленно подходит к машине.

- Ну, живее, живее, залезай, - торопит отец, - ехать надо...

- Я не поеду. – низко опустив голову, говорит Олег.

Да залезай же, - не слышит отец, - чего топчешься.

- Он там, в машине? – Олег поднимает голову. – Да?

- Все уже в машине, - отец недоуменно жмет плечами, - и ты давай, только живо.

- Я не поеду, - на этот раз Олег говорит так, чтобы отец услышал. И, повернувшись, идет к дверям раскомандировки.

- Олег!!! – он скорее чувствует, чем слышит голос отца и захлопывает за собой дверь.

Со двора доносятся крики, возня. А еще через минуту машина, дважды просигналив, уезжает, разбрызгивая грязные лужи так и не прекратившегося дождя.

Секрет второй ручки

Олег топором сбил упаковку. Новенький письменный стол засиял веселым блеском полировки. Оставалось ввернуть ножки, и можно было приступать к эксплуатации этого мебельного чуда. Сосед Шурик энергично помогал Олегу. Вскоре стол красовался в давно заготовленном углу. Олег, откровенно любуясь, бережно тер его мягкой тряпочкой.

Вдруг Шурик обнаружил на полу бумажный пакетик. Наверное, он выпал откуда-то из столовых внутренностей. В пакете были две маленькие пластмассовые ручки для дверцы.

- Странно, - удивился Олег, - дверца одна, а ручек две?

- Не разглажься, - оборвал его Шурик и решительно принялся вкручивать одну из ручек в предназначенное отверстие. Она слегка вошла в дверцу и застряла на середине.

- погоди, - отодвинул его Олег, - дай-ка я...

Он с силой повернул ручку, она не поддавалась. Олег навалился всем телом – ручка вошла еще немного.

- Может, по ней стукнуть чем? – кивнул Шурик в сторону топора.

- Я тебе стукну! – многозначительно пообещал Олег и снова ухватился за ручку.

- ... Ладно, стукни, – разрешил он минут через десять. Только, пожалуйста, поаккуратней.

Шурик осторожно стукнул по ручке обухом. Она не сдвинулась ни на миллиметр. Он стукнул сильнее, ручка двинулась внутрь.

- Ага! – обрадовался Шурик и стукнул еще раз. Ручка мягко согнулась на сторону.

- Идиот, - прошептал Олег, с отчаянием глядя на испорченное «чудо».

- Не паникуй, - хладнокровно остановил его Шурик, - у нас есть еще одна. Лучше выдерни ее обратно.

Олег дернул – ручка не шелохнулась.

- Дай плоскогубцы, - Шурик не терял оптимизма.

Ухватив ручку плоскогубцами, он рванул на себя - ручка разорвалась пополам. Одна половина оказалась у Шурика, вторая осталась в отверстии.

- Медведь! – обозвал его Олег. - Не прикасайся больше к моему столу. – Он склонился над дверцей и долго ее разглядывал. Потом выпрямился и голосом Архимеда произнес:

- Нужен предмет типа «гвоздь».

Шурик сходил к дворничихе и принес гвоздь. Олег вставил его в отверстие с обратной стороны и ударил по шляпке. Гвоздь легко вошел в мягкую пластмассу, не сдвинув ее с места.

Олег достал сигареты. Закурили.

- Может, снять дверцу, - предложил Шурик, - и отнести в гараж, Там сверло есть.

- Да пошел ты, рационализатор! – закипел Олег. – что я, ручку сам не сверну. Он схватил топор и гвоздь и рьяно взялся за дело.

- ... Давай еще раз закурим, - предложил он через полчаса и снял мокрую рубашку.

- А если не вбивать гвоздь, а ковырять? – Шурик принялся ковырять.

Олег тоскливо наблюдал за его тщетными попытками. Шурик ковырял долго и безрезультатно.

На улице вечерело. Шурик не терял оптимизма:

- Ковыряние – это не метод, - сказал он, - у меня есть «эврика», - он зажег спичку и попытался расплавить пластмассу. Дверца вспыхнула. Олег загасил ее стремительными ударами сырой рубашки. Нервы его не выдержали:

- Не было у меня стола и не надо! – он взмахнул топором над головой. Шурик успел перехватить руку товарища.

- Не горячись, старик, сказал он – давай еще шильцем попробуем.

Попробовали шильцем. За окном стало совсем темно.

- Ну, ладно, мне пора, - Шурик пожал потную олегову руку и ушел.

Олег продолжал работать при электрическом свете. Вернулась жена со второй смены. Поужинали, начали работать вдвоем. Олег узким острием ножа срезал кусочки пластмассы в отверстии на дверце,

жена заколкой доставала их из отверстия. «Маяк» передавал концерт для тех, кто не спит.

Олег откroшил последний кусочек, и жена ловко извлекла его. Вторая ручка быстро встала на свое место. Радиопередача «Для тех, кто не спит» заканчивалась. Олег сладко засыпал, давая отдых натруженным мышцам.

Дочь и мать

За столом тихо позванивала посуда. Люди с унылыми лицами пили, ели, тихо переговаривались, тостов никто не произносил. Одни ели и уходили, на их места садились другие. Женщины суетливо разносили блины и кисель.

Среди всех женщин особенно выделялась одна: прямая, бледнолицая со сжатыми до бела губами, покрытая черным платком – она невольно вызывала уважение к себе. Сегодня похоронили ее отца.

Она не плакала по нему, не причитала. Казалось, она застыла вот так, сразу побледнев. И только наполненные глубокой тоской глаза выдавали большое горе, которое до краев наполнило душу. В эти серо-голубые глаза никто не мог посмотреть прямо. Заглянувшие в них словно окунались в ее несчастье: люди чувствовали себя виноватыми перед ней в том огромном горе, которое навалилось на нее, - столько неподдельной тоски светилось в них.

Зинаида покачиваясь ходила между столов, будто пьяная. Она держалась из последних сил. Виски ломило от бессонных ночей. Часто комната вместе с людьми, столами и зеркалами, закрытыми белой материей, начинала плыть в липком горячем тумане. Тогда Зинаида крепче сжимала губы, отворачивалась и незаметно для других замирала, медленно приходя в себя.

Она не хотела лезть к людям со своим горем. Но, пожалуй, если бы кто-то из окружающих, сидящих здесь, просто так, по людски, по бабьи пожалел ее, она бы горячо и сильно расплакалась на плече у того человека, и ей стало бы намного легче. Но люди, то ли из деликатности, то ли от стеснения, молчали. И она ушла в себя, запрятала внутрь свое неподдельное горе.

Отец слег полгода назад. Когда он вернулся из больницы, худой, с пергаментно-желтым лицом, обтянутым сухой кожей, все решили – не жилец.

Ее вызывали потом в клинику, и маленькая седая женщина в белом халате ласково и душевно разговаривала с ней. Зинаида уже тогда знала, что отец долго не протянет, самое большее – полгода. Наверное, из всех тех, кто окружал его все это время, он сам был веселым и разговорчивым, шутил, смеялся, с юмором подмечал

промахи домашних. И все удивлялись, как он может?! И не могли понять: то ли он действительно ничего не знает, то ли так силен. А он знал, все знал. Однажды, уже незадолго до конца, он позвал Зинаиду к себе, усадил на кровать, Долго смотрел на нее, глядя ее руку, Потом так тяжело вздохнул, что мурашки у дочери побежали по спине.

- Вот и все, Зина, скоро конец. Ты только не убивайся по мне сильно. Знаешь, о чем жалею? – отец грустно улыбнулся, - Сашку не увижу, наверное. Ты, если что, парня не тревожь: учеба, экзамены. Ему жить да учиться надо.

Отец ушел через неделю теплой июньской ночью.

... Сашка – этот вчерашний десятиклассник – сдавал первую в своей жизни сессию. Многие его одноклассники работали на заводах и фабриках, служили в армии, а Сашке повезло – удалось поступить в столичный вуз. О факультете он мечтал давно, поэтому считал, что находится на своем месте. Учился легко, играючи, схватывал на лету.

Он очень любил мать, но особенно любил деда. Тот вошел в его жизнь с самого рождения. Сашка знал, что дед тяжело болеет. Всегда когда звонил домой, спрашивал, как там дед, передавал ему привет от студента, и если с дедом случится что, - все бросит и приедет.

Первый экзамен он сдал на четверку и, вполне довольный собой, готовился позвонить домой. «Обрадую родственников», - сказал он друзьям. И вышел из общежития на улицу, чтобы никто не мешал разговору с домашними. Во время таких звонков с добросовестностью первокурсника он всегда обстоятельно выпрашивал, что там да как.

... Телефонный звонок раздался в прихожей неожиданно и негромко. Его мало кто услышал, люди за столами продолжали есть и переговариваться. Женщины по-прежнему разносили кушанья. Зинаида услышала звонок сразу, вздрогнула и вся преобразилась, подобралась. Она ждала этого звонка целый день, знала, что сын сдает экзамен и обязательно позвонит.

Голос в телефонной трубке, далекий и родной, заставил ее сжаться в комок. Горе, тоска по сыну, ожидание его звонков – все это так измучило за последние дни, что голос сына вывел ее из того тяжелого равновесия печали, в котором она находилась. Стены и потолок медленно поплыли перед глазами. Она едва сумела ухватиться за край стола, на котором стоял телефон. Сзади кто-то поддержал,

заботливо подставил стул. Она медленно опустилась на него, перевела дыхание и только теперь поняла, что это ее зовут далекий родной голос: «Мама, алло, мама!»

Ему не надо ничего говорить, пусть будет спокоен, у него же сессия. Эта мысль мелькнула в голове как-то сама собой, вяло, без напряжения.

Все окружающее стало вдруг безразличным, ненужным. Зинаида поняла, что очень устала от всего, свалившегося на ее плечи. К действительности ее вернул телефон: «Алло, мама, алло!» Надо собраться, ведь сын ждет. Зинаида тряхнула головой, как бы сбрасывая с себя минутную слабость.

- Здравствуй, Саша, - голос ее, твердый и ровный, ничем не выдал того, что творилось у нее в душе. Трубка обрадованно донесла:

- Здравствуй мам, а я уж подумал, что-нибудь случилось, ты молчишь и молчишь, - торопливо говорил Сашка. – А я сдал на четыре. Через три дня снова сдаем.

- Молодец, продолжай так же, - Зинаида действительно обрадовалась за него. Ведь, кроме всего прочего, она переживала и за сына.

- Ну как вы живете? Что нового? Как дедушка? – все вопросы Сашка задал скороговоркой, не выделив ни одного из них.

Но Зинаида сразу же определила для себя этот последний. И, отвечая на предыдущие вопросы, думала только о нем. Старалась говорить спокойно, обычно:

- ... А у дедушки все в порядке. Правда, лежит все время. Но ему лучше.

- Да! Лучше! – она услышала как обрадовался сын.

- Ладно, мам. До свиданья. Привет всем, а дедушке... - голос Сашки внезапно оборвался на полуслове.

Зинаида подождала немного, может перезвонит, но повторного звонка не было, и она медленно положила трубку на стол. И здесь же, уронив голову на скрещенные на столе руки, впервые за все это время громко зарыдала.

Ночной извоз

Самолет наконец-то приземлился в Алма-Ате. Рейс Новокузнецк – Алма-Ата вначале посадили в Душанбе: в Алма-Ате бушевала гроза. И Сергею с семьей пришлось несколько часов провести в душанбинском аэропорту. Непогода спутала все карты отпускников.

Не скоро гроза улеглась. Прибыли в Алма-Ату уже ближе к полуночи. А добираться предстояло еще до степного городка Капчагай, что отсюда в шестидесяти километрах. Понятно, рейсовых автобусов уже не было, они начнут ходить только со следующего утра. А на такси или попутке было дорого, жаль тратить на это свои отпускные. Сергей с женой Галиной и пятилетним сынишкой Артемом уже начали обживать аэропортовскую лавочку, когда к ним подошел длинноволосый молодой человек:

- Слышал, в Капчагай собираетесь, могу предложить доставку за полцены. Через полтора часа будете на месте. Все лучше, чем ночевать в аэропорту.

Конечно, согласились Сергей с Галиной, за полцены – это уже заманчиво, ну его этот аэропортовский сервис, доберемся до места и будем ночевать у родственников.

Парень схватил их вещи и пошел к машине – старенькой видавшей виды «шестерке» жигулей, стоявшей в полумраке улицы. «Машина исправна, - предупреждая вопросы, сообщил он. – Доедем с ветерком».

За рулем авто уже сидел водитель, тоже молодой, но только коротко стриженный. Это слегка насторожило Сергея и Галину, но делать было нечего, и они разместились на заднем сиденье. Посидели минут пять молча.

- А почему не едем, - спросил Сергей стриженного.

- Пассажира ищем, - как бы нехотя ответил тот, - что же место пустовать будет. Ваш пацан не в счет...

Сергей и Галина переглянулись. Но отступить было уже некуда. Вскоре появился лохматый в сопровождении полной молодой женщины, которая втиснулась на заднее сиденье, сам же парень занял место рядом с водителем.

Наконец тронулись. Выехали с хорошо освещенной территории аэропорта на сумрачное ночное шоссе. Резво доехали до первого перекрестка. И здесь произошло невероятное. На пустынном перекрестке стоял автомобиль дорожной инспекции. Патрульный взмахнул жезлом, приказывая водителю остановиться. Но стриженный вместо этого только резко прибавил газу.

- Делаем обрыв, - выкрикнул лохматый.

- Без тебя знаю, - оборвал его стриженный.

Завизжали на повороте колеса, и машина с погашенными фарами на большой скорости понеслась вперед. Сзади послышался звук сирены, темноту разрезали огни мигалки.

И тут же в машине раздался визг ребенка:

- Не хочу в обрыв! - истерично закричал он. - Не хочу в обрыв, давайте выйдем!

У Сергея с Галиной сердце ушло в пятки. Что делать в такой ситуации они просто не знали. Сергей встряхнул сына: «Замолчи, без тебя тошно. Никто ни в какой обрыв не поедет...».

Пассажиры испуганно притихли. А владельцы авто выключили фары и бурно начали обсуждать, как лучше уйти от погони.

За окнами замелькали дома частного сектора. Погруженные во мрак строения казались причудливыми и неприступными. Гонка продолжалась уже минут десять, «шестерка» на большой скорости неслась по улицам, подгоняемая воем сирены, сворачивала в переулки.

Патрульная машина стала заметно отставать, видимо, плохо ориентируясь в этом районе, а «жигули» чувствовали себя здесь как рыба в воде.

Вскоре машина резко затормозила перед высокими воротами. Длинноволосый выскочил из машины, торопливо распахнул створки. Машина быстро въехала в темный двор, ворота за ней закрылись.

Пассажиры сидели ни живы ни мертвы от случившегося. Звук сирены нарастал. А вскоре патрульная машина пронеслась мимо ворот, за которыми притаились беглецы. Они выждали еще несколько минут. Потом выехали на улицу, и крадучись, не включая фар, буквально на ощупь, поехали по ночному району.

На пути встретилась небольшая речка. Ни моста, ни другой переправы не было видно. Стриженный затормозил, а его напарник вышел из машины, разулся и, закатав штанины брюк, зашагал по воде в свете ночных огней города. Вода не доходила ему до щиколоток, и он перебрался на противоположный берег. Машина осторожно проделала его путь.

На самой окраине города полная девушка вышла, пошутив напоследок, что, дескать, с этими гонками родить от страха можно.

До самого Капчагая вела отличная четырехрядная автотрасса. «Шестерка», весело шелестя шинами, бежала по ней. Напряжение спало и внутри кабины. Парни громко обсуждали приключение, ругая лохов – патрульных, хваля себя за удачный исход.

- А что, парни, - вступил в разговор Сергей, почему не остановились - боялись, наверное, что права отберут за ночной извоз.

Те переглянулись между собой, и стриженный промолвил:

- Да, нету прав-то, уже изъяли...

- Ну, тогда могли номера снять, - не унимался Сергей. – А машину на штрафстоянку?

- Номеров тоже нет, - сообщил стриженный. - Тоже забрали...

- Так, может, машина в угоне? – потускневшим голосом спросил Сергей.

Парни переглянулись и вдруг захохотали, вернее, заржали как кони. Отсмеявшись, утирая слезы, стриженный сказал:

- Нет, машина - наша, кормилица. А что сделаешь, если работы нет. Вот и таксуем каждую ночь. А эти, - он мотнул куда-то неопределенно головой, - пытаются нас куска хлеба лишить. Но сегодня наш день!

Он явно был доволен собой. Завязался разговор, непринужденный настолько, насколько может быть между случайно встретившимися людьми.

Время летело быстро, еще быстрее бежала под колеса дорога. Перед въездом в Капчагай была расположена будка поста автоинспекции. Не доезжая до нее метров двести, «шестерка» свернула на обочину.

- Подождем немного, - сказал стриженный. - От этих не убежишь.

- И как же теперь? – спросил Сергей.

- Сейчас увидишь, - сказал длинноволосый.

Вскоре на дороге появился бензовоз, он ехал неспешно, аккуратно везя свой дорогой груз. «Шестерка» догнала его и, пристроившись за ним, незаметно проследовала мимо поста в тени большегруза.

Наконец, у самого въезда в городок их остановил патруль военной автоинспекции. Осмотрев пассажиров автомобиля, военные козырнули и разрешили ехать дальше.

- С этими не забалуешь, - кивнув на автоматы, - промолвил стриженный. Но им наши права по барабану...

Так они подъехали к нужному дому. Длинноволосый даже помог донести до квартиры багаж.

- Обращайтесь, - шутливо сказал он. – Мы с братом поможем, если нашу кормилицу не конфискуют.

На том и расстались. Справедливости ради надо отметить, что отпуск прошел на отлично. Правда Сергей с Галиной еще долго потом со смехом вспоминали это дорожное приключение.

Автор - Сергей Черемнов, родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил здесь школу № 3, затем филологический факультет Кемеровского госуниверситета.

Работал в городской газете «Шахтёрская правда» - корреспондентом, завотделом, главным редактором. Был собкором областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселевску и Прокопьевскому району. В 1987 г. переведен решением бюро обкома КПСС на работу в Кемерово, заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровской области.

В начале девяностых годов занимался рекламой, маркетингом. В 1994 году был руководителем пресс-службы вновь созданного представительного органа региона – Законодательного собрания Кузбасса.

Работал в 1996-97 гг. в Москве руководителем пресс-службы российского министерства по делам СНГ. Затем был назначен начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Кузбасса, награжден орденом «Доблесть Кузбасса». Имеет и другие областные награды.

Увлекается фотографией, был участником нескольких фотовыставок. Автор фотоальбомов и книг «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Народный губернатор», «Овеянные славой дороги в сорок пятый», «Кузбасс – Китай. Новые грани сотрудничества» и других.

5 ноября 2013 года исполнилось 40 лет его журналистской деятельности. (Первую заметку опубликовал 5 ноября 1973 года в студенческой газете КемГУ «Молодой учитель»).

Эти рассказы были написаны в разные годы.